

16+

Старицын Виктор

Новороссия Новосветская

Новороссия Новосветская

Виктор Старицын

Новороссия Новосветская

«Автор»

2019

Старицын В. К.

Новороссия Новосветская / В. К. Старицын — «Автор»,
2019 — (Новороссия Новосветская)

Третья книга трилогии "Минзаг "Марти". Книга написана в жанре альтернативной истории. В ночь на 1 июня 1939 года минный заградитель КБФ «Марти», направлявшийся после официального визита в США из Майями в Ленинград, перенесся ровно на 400 лет в прошлое. Недовольные политикой руководства комсомольцы поднимают мятеж. Большинство моряков не поддерживают мятежников. "Леваков" подавляют. Руководство республики отказывается от строительства коммунизма как цели и устанавливает в качестве таковой социализм. Республика устанавливает контакт с Великим князем Московским, будущим Иваном Грозным. Затем последовательно выбивает испанцев из Мексики, Центральной Америки и Перу. На этих территориях основываются вассальные социалистические республики. Под давлением обстоятельств в республике разрешается частная собственность на средства производства не только привлеченным ремесленникам, но и самим мартийцам. После коронации Ивана республика оказывает ему военную, техническую и экономическую помощь.

© Старицын В. К., 2019

© Автор, 2019

Виктор Старицын

Новороссия Новосветская

Неудавшаяся революция.

Известно, что мятеж – это неудавшаяся революция. Соответственно, удавшийся мятеж становится революцией. Классификацию события впоследствии определяет победившая сторона.

Мятеж Дарав начался вполне успешно. К моменту восстания в жилом блоке крепости осталось лишь около сорока семейств. Все избиратели, все декурионы и большая часть легатов уже переселились в индивидуальные жилые дома. В крепости остались жить только высшие начальники – трибуны, консулы и пара десятков легатов. После переселения рядовых мартийцев, постановлением Совнаркома начальству увеличили количество занимаемых в жилом блоке комнат до величины «гражданская категория плюс два». Поэтому, каждое семейство занимало от 6 до 8 комнат. Соответственно, каждый начальник выделил себе отдельную комнату под спальню, чтобы малолетние детки по ночам своими воплями не мешали отдыхать утомленному дневными и вечерними трудами начальствующему составу.

Заговорщики начали аресты в два часа ночи 17 сентября 1542 года. Поскольку каждая комната в жилом блоке изначально имела отдельный вход со двора, все запланированные штабом восстания аресты прошли тихо. Начальников взяли тепленькими в постелях. Каждого из двадцати двух намеченных к изоляции начальников арестовывали группы из одного члена фракции и двух сочувствующих араваков. Спавшие в других комнатах жены начальников ничего не слышали. Обошлось без женского визга.

Штаб восстания учел ошибки покойного Круминыша. Еще шесть групп заговорщиков из двух даравовцев и нескольких араваков каждая, взяли под контроль все шесть артопозиций, могущих представлять угрозу для крепости. Три группы взяли под контроль ГКП, узел связи и НКВД. Все прошло без единого выстрела. В эту ночь в дежурные наряды ГКП, НКВД и узла связи бюро Дарав заранее постаралось устроить членов фракции и сочувствующих араваков.

К четырем часам дело было сделано. Одиннадцать особо важных арестованных заключены на гауптвахту, одиннадцать менее опасных водворили в помещение генштаба. Периметр крепости и все намеченные объекты были взяты заговорщиками под контроль.

Скрипко, Скобелкин и Мамыкин подошли ко входу в помещение гауптвахты. Они уже расклеили по территории крепости десяток рукописных листовок, в которых от имени «Комитета освобождения араваков» призывалось уничтожить главарей угнетателей – камчатцев и предоставить равные права аравакам. Помимо пистолета в кобуре, каждый из них имел два двухствольных обреза, заткнутых под кителем за ремень.

По плану восстания, охрану гауптвахты несли трое араваков – руководителей аравакской секции Дарав. В свое время под гауптвахту приспособили две стандартных комнаты. Спереди отгородили общий коридор, в котором разместился караул, а в двух укороченных комнатах размером три на четыре метра – камеру для комсостава с четырьмя койками и камеру для рядовых с четырьмя двухэтажными нарами. Сейчас в камерах «губы» размещалось пять и шесть арестованных.

Скрипко с удивлением обнаружил у входа в «губу» не троих араваков, как предусматривалось планом, а четверых, двое из которых были ему не знакомы.

- Как дела, Гуанакар? – осведомился Скрипко у секретаря аравакской секции Дарав.
- Все нормально, товарищ Скрипко, – ответил туземец, – арестованные ведут себя тихо.
- А что это за незнакомые товарищи с тобой? – осведомился вожак Дарав.

– Это мой старший брат Картоган, – указал Гуанакар на одного из незнакомцев. – Он командир взвода в гвардии. Только вчера прибыл на рейсовом корабле в отпуск с Кубы. Я его посвятил в наши планы. Он нашему делу вполне сочувствует. И с ним прибыли еще трое воинов из его взвода. Я их тоже привлек.

Члены бюро Дарав поздоровались с незнакомцами. Огнестрельного оружия у них не было, но на поясах висели внушительного вида испанские мечи.

– Ты должен был меня проинформировать, прежде чем привлекать новых людей к нашему делу, – попенял Гуанакуру Скрипко.

– Так времени совершенно не было! Готовились к восстанию. Я подумал, что обстрелянные бойцы для нас лишними не будут.

– Ну ладно, ты говоришь, привлек четверых, а я вижу только двоих. Где остальные двое? И где Каманур? Он должен быть с вами.

– Член бюро секции Каманур дежурит в караулке. Я подумал, нужно следить за дверями, а то, как бы арестованные не отперли двери изнутри. Арестованные – очень умные и серьезные люди. А двоих новичков я отправил на ту сторону корпуса следить за окнами, чтобы арестованные не перепилили решетки.

Гуанакар очень высоко ставил всех мартийцев, а перед их арестованными руководителями он вообще испытывал трепет, переоценивая их возможности.

Разговаривая с Гуанакаром, Скрипко лихорадочно соображал, что же делать в изменившихся обстоятельствах. Планом предусматривалось, что он и Мамыкин входят в камеру и четырьмя обрезами из восьми стволов кончают всех арестантов. Скобелкин в это время расстреливает из пистолета троих араваков. Затем они перезаряжают обрезы, входят в другую камеру и кончают всех там. После этого Скобелкин относит обрезы в цех, чистит их и кладет на место. Скрипко и Мамыкин остаются у гауптвахты объясняться с проснувшимися мартийцами.

Наконец, он принял решение.

– Это ты молодец, товарищ Гуанакар! Правильно сделал. Дополнительные бойцы нам не помешают.

Затем громко произнес, обращаясь ко всем, и надеясь, что Мамыкин и Скобелкин его поймут правильно:

– Ну что же, товарищи, все у нас пока идет по плану. Сейчас я зайду к арестованным, мне нужно поговорить с Мещерским. В какой он камере?

– В командирской, – ответил Гуанакар. – И с ним еще четверо. В другой камере – шестеро.

– И дальше мы действуем по плану. Я зайду в камеру. Ты Семен, останешься снаружи с товарищами араваками. Ты Павел, зайдешь в коридор караулки, постоишь у двери, пока я буду в камере. А то, вдруг, арестованные на меня нападут. А дальше, действуем строго по плану. Всем все понятно?

Последние две фразы Скрипко произнес, четко выделяя каждое слово.

– Все ясно, все сделаем как надо! – Откликнулись товарищи.

Скрипко открыл дверь караулки и вместе с Мамыкиным зашел в коридор. Мамыкин поздоровался с Камануром и остался в коридоре.

Скрипко отодвинул деревянный засов, затем резко открыл дверь и зашел в камеру. Его била нервная дрожь. Настал самый решительный момент восстания Дарав.

Помещение освещалось висевшей на потолке керосиновой лампой. На койках у окна лежали Мещерский и Сокольский, слева от входа лежал Востриков, справа на койке сидели, привалившись к стене, Шнурко и Влазнев.

Скрипко откинул полы заранее расстегнутого кителя и выхватил правой рукой из-за пояса обрез, одновременно взводя большим пальцем курки. Заранее взвести курки он не рискнул, опасаясь отстрелить себе из не имевшего предохранителя куркового обреза самое дорогое.

Шнурко и Влазнев на скрип открываемой двери встали с койки, перекрывая собой лежащего у окна Мещерского. Им и достались первые две пули – свинцовые шарики полудюймового диаметра. Обрез громыхнул дуллетом. Обоим Скрипко попал в грудь. Выстрелы в замкнутом помещении оглушили всех.

Патроны для туземного гладкоствола заряжались дымным порохом.

Густой дым заполнил комнату. Скрипко выпустил обрез из правой руки, одновременно выхватывая из-за пояса левой рукой второй обрез и взводя курки. Затем перебросил обрез в правую руку, чтобы стрелять наверняка. В этот момент ему в живот врезался плечом, сбивая с ног, успевший вскочить с койки Востриков.

Уже падая, Скрипко нажал на спусковые крючки обреза указательным и средним пальцами. Первый выстрел он успел сделать в направлении Сокольского, хотя того в дыму совсем не было видно, а второй вообще пошел в потолок.

Тем временем, Мамыкин застрелил двумя выстрелами из ТТ Каманура, затем выстрелил из обреза в Вострикова, вместе со Скрипко кубарем вывалившимся из двери камеры.

Услышав выстрелы в помещении гауптвахты, Скобелкин выхватил пистолет и выстрелил в вооруженных обрезами Гуанакара и второго члена бюро туземной секции. Затем – в Картогана. И тут его ТТ дал осечку. Все же пистолеты, как и патроны местного производства, по надежности сильно уступали оригинальным. Передернуть затвор он не успел. Опытный командир взвода, прошедший кровопролитные бои на Гваделупе, Мартинике и Гаити, не раздумывал ни секунды. Меч Картогана раскроил череп Скобелкина надвое. Затем Картоган наклонился над упавшим братом, выхватил из его кобуры обрез и рванулся в двери «губы». Его боец, тоже вооружившийся обрезом, без команды ринулся за ним.

В дверях губы Картоган столкнулся с Мамыкиным, решившим проверить, как дела у Скобелкина. Все же, задача Скобелкина была самой сложной, ему противостояли четверо вооруженных противников. У боевого взводного командира реакция оказалась лучше, чем у начальника участка спецзавода. Получив пулю в грудь, Скобелкин завалился навзничь.

Влетев в коридор, Картоган стукнул рукояткой обреза по голове пытавшегося подняться с пола и вытащить пистолет из кобуры секретаря Дарав. Оглушенного Скрипко гвардейцы связали его же ремнем.

Через пару минут около гауптвахты собрались все два десятка мартийцев, проживавших в жилом блоке крепости и не подвергшихся арестам. Все в трусах, но с оружием. Еще через минуту над крепостью заревела сирена боевой тревоги. Деморализованные стрельбой и сиреной члены Дарав не сопротивлялись. Все же, к пролитию крови рядовые комсомолы – члены Дарав готовы не были.

Уцелевших высших руководителей республики освободили из камеры. Медики начали оказывать первую помощь раненым. Таковых оказалось четверо: Шнурко, Востриков, Сокольский и Гуанакар. Шнурко, Востриков и Гуанакар получили тяжелые ранения, а Сокольский – легкое в бедро. Убиты наповал Влазнев, Скобелкин, Мамыкин и двое туземцев. Остальных арестованных руководителей вызволили из помещений Генштаба.

Предсовнаркома Мещерский и наскоро перевязанный главком Сокольский тут же взяли власть в свои руки. Экспресс допрос разоруженных заговорщиков позволил быстро установить планы мятежников. Получивший по темечку рукояткой обреза, Скрипко раскололся сразу. Ничто так не способствует откровенности, как собственная кровь, заливающая лицо.

С телефонного узла обзвонили все арtpозиции и разоружили оказавшихся там даравовцев. Им приказывал сложить оружие лично Мещерский. Сопротивления никто из них не

оказал. Убийство членами бюро Дарав сразу нескольких авторитетных руководителей Республики полностью обескуражило рядовых заговорщиков.

Революции у фракции Дарав не вышло. Вышел – мятеж.

Заговорщиков водворили на место ранее арестованных ими руководителей. Верховный Суд в полном составе приступил к допросам даравовцев.

Верховный Совет тут же возложил исполнение обязанностей погибших и тяжелораненых наркомов на их заместителей. К рассвету конституционный порядок в Республике был полностью восстановлен.

На следующий день состоялись похороны павших. С отдаванием воинских почестей, с троекратным салютом, под пение «Вы жертвою пали в борьбе роковой ...» в присутствии всех жителей Крыма похоронили Влазнева и Шнурко. К глубокому горю всех мартийцев, нарком внудел, авторитетный мартиец, бывший боцман Шнурко тоже скончался от тяжелой раны. Спасти его врачам не удалось. Под рыдания жен и плач детей гробы из красного дерева опустили в могилы. Предсовнаркома сказал речь, и пообещал воздвигнуть павшим достойные мемориалы. Убитых даравовцев похоронили по-тихому, без почестей. На весь день в Республике был объявлен траур. Население кладбища погибших мартийцев значительно выросло.

Через двое суток Верховный Суд опубликовал в «Известиях» материалы по расследованию вооруженного мятежа фракции Дарав. Из материалов следовало, что в зверских убийствах ряда руководителей Республики виновны лично трое руководителей фракции: Скрипко, Мамыкин и Скобелкин. Весь остальной состав бюро фракции виновен в организации вооруженного мятежа, а рядовой состав Дарав – в участии в мятеже.

Заседание суда было назначено на 21 сентября. Защиту подозреваемых поручили наркому образования Сенечкину, близко знавшему многих членов фракции.

Накануне суда в кабинете Предсовнаркома собрался неформальный «синклит» наиболее авторитетных мартийцев в составе Мещерского, Болотникова, Зильбермана, Жердева, Сокольского и Веденева.

Обсуждали вопрос о мерах наказания участников мятежа.

Относительно главного мятежника и убийцы Скрипко разногласий не возникло: согласно законам республики, однозначно – расстрел. Сожалели, что погибли Мамыкин и Скобелкин. Если бы выжили, их синклит тоже расстрелял бы.

С другими было сложнее. Согласно УК Республики всем участникам мятежа светили длительные сроки тюремного заключения, а организаторам – тот же расстрел. Резко против выступил наркомпром Болотников:

– Вы что, товарищи! Даже и не думайте. Большинство даравовцев – квалифицированные рабочие и младший инженерно-технический состав спецзавода. Кто работать будет? Если их всех посадить, спецзавод лишится четверти персонала и просто встанет!

– Ну и что с того? Если оставить их безнаказанными, то через какое-то время очередной мятеж получим! Мало нам было мятежа Круминыша, теперь еще и комсомольцы вылезли! Наказать надо жестоко! Чтоб другим неповадно было! – резко возразил Сокольский. Его кровожадность можно было понять. Второй мятеж в истории Республики, и он опять ранен.

– И что ты предлагаешь конкретно? – спросил Болотников.

– А посадить их всех в лагерь с испанцами! И выпускать только на время работы в цехах. Лишить всех наград, денежного довольствия и жен отобрать! – продолжал свирепствовать Сокольский.

– Ну, Андрей Василич, это твоя простреленная нога говорит, – возразил Зильберман. – Нет у нас в УК такой меры, как лишение жен!

– А что, в принципе рациональное зерно в этом есть. Я не про лишение жен, конечно, – включился в дискуссию нарком науки Жердев. – Пусть сидят в лагере, а в рабочее время под конвоем ходят на завод. Территория спецзавода у нас закрытая и охраняется. А для сохране-

ния демографии, приводить к ним жен на свидание на одну ночь раз в месяц. А кто будет дисциплину нарушать, тех лишать свиданий. Очень серьезное наказание будет, мне кажется. И хороший рычаг воздействия на заключенных появится.

– Лишить их всех должностей, наград и званий, перевести всех в рядовые рабочие, и гражданскую категорию снизить до бпг! – развил предложение Сокольского и Жердева начальник Генштаба Веденев.

– Ну, для рядовых участников мятежа такие меры наказания можно и принять, лет, скажем, на пять. В случае добросовестной работы, в качестве меры поощрения, можно будет им срок заключения сокращать. Будут перед ними и пряник и кнут висеть! – одобрил Предсовнаркома. – А вот что будем делать с их руководством, с членами бюро фракции?

– А можно им больший срок заключения дать: лет семь или восемь. И гражданскую категорию им снизить до «подданный». Начисленную заключенным зарплату перечислять женам. А зарплата у них в разы упадет, вследствие снижения гражданской категории, так что, жены их пилить при каждом свидании будут, – снова включился Зильберман.

– А вот это здорово! Зарплата у них сравняется с рабочими – туземцами. На еду – одежду женам и детям хватит. Но, по сравнению с другими мартиЙцами их семьи станут совсем бедными. Мощнейший моральный фактор воздействия на мятежников через их жен будет! Никакие замполиты не сравнятся! – заключил Веденев.

– Кстати, о замполитах! Все же, налицо сильнейший провал политико-воспитательной работы нашей партии и комсомола. Недооценили мы все влияние идей даравовцев! Да и НКВД все прозевало! – поставил новые вопросы нарком внешторга Зильберман.

– Идеи Дарав – это, практически, военный коммунизм. Может быть, мы зря Республику назвали «коммунистической»? Все же, мы сейчас социализм строим! И в ближайшей исторической перспективе будем это дело продолжать. Сейчас у нас частный сектор в экономике постоянно усиливается. Может, нам следует именовать Республику социалистической? Ведь и СССР в старом мире именовался социалистическим, а не коммунистическим! Тогда и соблазна вводить коммунизм у левых уклонистов не будет, – поднял стратегическую проблему Мещерский.

Все озадаченно замолчали.

– Умеешь ты озадачить, Николай Иосифович! – Первым пришел в себя Сокольский. – «Коммунистическая» – это ведь мы с подачи недоброй памяти Круминьша в название Республики ввели. Опять он нам с того света напакостил. Этот вопрос с «кондачка» нам не решить. Надо это глубоко продумать, обсудить в коллективах, в парторганизациях, в комсомоле. С народом посоветоваться. Заодно и еще раз проведем разъяснительную кампанию по несвоевременности идей Дарав.

– Насчет провала НКВД, так это же мы сами запретили Шнурко вербовать сексотов среди мартиЙцев. Погорячились мы, видимо. А теперь вот Никита Фадеич погиб из-за этого. Надо эту ошибку исправить, а то опять какие-нибудь недоумки решат власть захватить! – снова озадачил собравшихся Веденев.

По этому скользкому вопросу члены синклита еще подискутировали, но, в конце концов, рекомендацию для НКВД приняли.

– Быть по сему! По наказанию заговорщиков наши рекомендации Верховному Суду я передам. По усилению разъяснительной работы в партии и в комсомоле и по линии НКВД все принимается. Насчет изменения названия Республики – это пусть у Политбюро и Верховного Совета голова болит. Хотя, сама по себе, мне кажется, идея здравая, – заключил совещание Предсовнаркома.

На открытом заседании Верховного Суда, состоявшемся утром в воскресенье, все преступники получили наказания, рекомендованные синклитом: рядовые участники – по четыре года лагеря, а члены бюро фракции – по восемь. Приговор был окончательным и обжалованию

не подлежал. Решение Суда было опубликовано в очередном номере «Известий» и зачитано по радио.

Вечером, перед закатом, взвод туземцев – конвойников при большом стечении взрослого населения Крыма расстрелял вожака даравовцев. Зарыли Скрипко без почестей.

В лагере для военнопленных, что около туземного поселка, один из барачных отделений от остальной территории частоколом. В эту спецзону заселили всех осужденных даравовцев: и мартийцев и араваков. Общения даравовцев с заключенными испанцами конвой не допускал. Теперь, по будним дням из ворот лагеря под усиленным конвоем выходила еще одна колонна и шла через весь город к воротам спецзавода. Вечером колонна возвращалась обратно в лагерь. Конвоиры – туземцы мягко, но неумолимо пресекали попытки жен заключенных прорваться к мужьям.

С пол десятка мартийцев – членов фракции Дарав, и с десятков сочувствующих туземцев в восстании участия не приняли. Руководство фракции расценивало их как недостаточно надежных и не посвятило в свои планы. Половина из них после восстания заявили о выходе из фракции. Однако, трое мартийцев и шестеро араваков решили сохранить фракцию, переименовав ее из «Даеть равноправие» во фракцию «Левые коммунисты». Они по-прежнему были против частной собственности на средства производства.

Через неделю жизнь республики вернулась в привычную колею. Народ встретил приговор суда с пониманием. Мятеж Дарав вызвал у граждан глубокое недоумение. И чего им не хватало? По сравнению с жизнью в Советском Союзе старого мира, жизнь граждан в Республике была просто изобильной. Полное довольство во всем. Питание, одежда, жилье, бытовые удобства, климат – все несравненно лучше. С жиру молодежь сбесилась, сделали вывод граждане.

В сентябре верфь сдала флоту два военных транспорта, названные по настоянию Мещерского именами Осляби и Пересвета – двух героев Куликовской битвы, ставшие самыми крупными кораблями флота. Моторные трехмачтовые баркентины, порожним водоизмещением в 2000 тонн, вооруженные двумя 90-миллиметровыми пушками и четырьмя станковыми пулеметами, предназначались для переходов через Атлантику, и могли принять на борт до 900 тонн полезного груза.

Верфь получила следующее задание: заменить все переоборудованные местные парусники на корабли собственного производства. Каравеллы Аврора, Чапаев, Свердлов, Горький должны быть заменены двухсот тонными шхунами. Вместо коггов Киров и Варяг, галеона Энгельс и фрегата Ленин в состав флота должны будут войти четыре четырехсот тонных корвета, а вместо галеонов Фрунзе, Лазо, Щорс и Сталин – четыре военных транспорта по тысяче тонн порожнего водоизмещения.

Авиационная лаборатория каждый месяц выпускала по одному гидросамолету К-2м. Их ставили на регулярные почтовые линии вдоль всей Антильской гряды. Выпущенные ранее самолеты К-1 использовали для обучения пилотов и летчиков-наблюдателей в летной школе при авиалаборатории. Все выпускники школы были араваками.

В середине октября в портах Кубы и Гаити собрались крупные силы флота Республики: крейсера Суворов и Кутузов, транспорты Пересвет и Ослябя, сторожевики Ушаков, Нахимов, Макаров, Казарский. Корабли приняли на борт 16 гвардейских рот и вышли курсом в Мексиканский залив.

Началась операция «Мексика». Каждая рота имела в своем составе взвод стрелков с двустолками, два взвода легкой пехоты и два взвода тяжелой. Все роты под командованием командиров – араваков. В штабном взводе роты имелась коротковолновая радиостанция. Участие мартийцев в операции не предусматривалось.

Роты должны были высадиться на побережье Мексиканского залива через каждые 100 – 140 километров от будущего американского Хьюстона на севере до будущего мексиканского Сьюдад-дель-Кармен на юге.

Могло показаться, что двух тысяч бойцов совершенно не достаточно для завоевания огромной страны. Однако, Генштаб учел, что в свое время испанцы завоевали могущественные империи ацтеков и инков значительно меньшими силами, с весьма примитивным огнестрельным оружием. Испанцы использовали ненависть, которую испытывали туземные племена по отношению к поработителям – ацтекам и инкам. При появлении испанцев покоренные ацтеками и инками племена тут же восставали против империй и присоединялись к испанским отрядам. Так, что на одного испанца в армиях Писарро и Кортеса приходилось несколько сотен местных туземцев.

Генштаб учитывал, что за прошедшие десятилетия индейцы досыта нахлебались горя под властью испанцев, и готовы будут восстать уже против них. Кроме того, разведчики доносили, что на материке в туземных племенах широко распространились слухи о том, что новые белые пришельцы легко бьют испанцев везде, где встретят, но при этом хорошо относятся к туземцам, сохраняя местную власть в руках племенных вождей. Во многих местах на материке уже полыхали стихийные восстания против испанцев.

Учитывалось также, что боеспособных войск у испанцев практически не осталось. Всех их призывной контингент или сидел в лагерях в Республике или был выбит в сражениях.

Высадившиеся отряды должны будут захватить местные испанские поселения и привести к вассалитету Республики местные туземные племена. Затем, в короткий срок сформировать племенные отряды, вооружить их, обучить обращению с оружием и тактике боя. Для формирования местных отрядов каждая рота привезла с собой три сотни единиц трофейного испанского холодного оружия и двадцать тысяч стальных наконечников для стрел. Для подарков вождям племен привезли по десятку комплектов доспехов.

Примерно через месяц племенные отряды во главе с гвардейскими ротами должны будут выступить вглубь территории страны. Все встреченные на маршрутах отрядов племена: науа, майя, сапотеки, миштеки, отоми, тотонаки, чолуланы, тласкаланы и многие другие, тоже должны приводиться к вассалитету. Отрядам раздали по сотне комплектов текстов вассальной присяги. Верховный Суд подготовил краткую выжимку из свода законов Республики на 26 страницах, отпечатанную на испанском языке. Каждый отряд имел по сотне экземпляров этой выжимки. Вожди, принимающие вассалитет, должны поклясться соблюдать законы Республики на своей территории. Не позднее года, все отряды должны выйти к столице Новой Испании – Мехико, бывшей столице империи ацтеков Теночтитлану. На сентябрь месяц следующего года в Мехико намечался съезд всех вассальных племен.

Командирам отрядов особо предписывалось, что сдавшиеся испанские поселения не должны разоряться. На территории каждого крупного племенного союза должно формироваться отдельное вассальное государство, управляемое советом вождей племен при помощи испанского административного персонала. Всем сдавшимся на милость победителей испанцам должны сохраняться жизнь и имущество. Генштаб понимал, что средневековые испанцы гораздо лучше справятся с административными функциями, чем индейцы, в большинстве еще живущие при родоплеменном строе.

2. Новый 1543 год.

Вот и наступил очередной Новый год. Праздник прошел как обычно. В Республике уже сложились свои традиции. Три с половиной года прошло с тех пор, как неведомый природный феномен отбросил минный заградитель «Марти» со всем экипажем на 400 лет назад в далекое прошлое.

Окончание 42-го года Республика пережила спокойно. Разведка не доносила никаких тревожных вестей ни из Европы, ни из Новой Испании.

После сокрушительного разгрома Великой армады император Священной Римской империи Карл-V временно затих, переваривая полученную пилюлю. А военные силы Новой Испании полностью иссякли.

Десантные отряды регулярно докладывали по радио о своем продвижении вглубь территории Мексики. Серьезного сопротивления они пока не встречали.

Торговля с Европой через немцев и португальцев быстро расширялась. На Гренаду за товарами Нового света начали заходить английские, французские, голландские и датские корабли. Пока единичные. Купцов встречали радушно. Им без ограничений продавали красную древесину, сахар, крепкие спиртные напитки и хинин. Все европейские купцы уже усвоили, что без разрешения Республики в Новый Свет соваться чревато.

Регулярные радио доклады командиров десантных отрядов из Мексики тоже радовали. Испанские поселения сдавались без боя, местные племена принимали освобождение от испанского владычества с восторгом. Туземцев массово освобождали из рабства в энкомьендах. Наиболее злых плантаторов освобожденные рабы буквально разрывали на части. Там, где освобождение проходило мирно, энкомьенды сохраняли, но их владельцев обязывали нанимать на работу туземцев только по договору на взаимовыгодной основе. Вожди охотно заключали вассальные договоры с Республикой.

Застройка главной улицы Ленинграда жилыми домами закончилась. Самыми последними в новые дома въехали Предсовнаркома Мещерский, поправляющийся после тяжелого ранения Председатель Верховного Совета Востриков, Верховный судья Тараторкин и Генеральный секретарь ЦК КППЗ Курочкин, избранный партийцами взамен геройски погибшего Влазнева. Причем, Курочкина избрали, не освободив его от обязанностей директора школы. Таким образом, освобожденных партработников в Республике не осталось совсем.

Мещерский резонно рассудил, что замена авторитетного Влазнева на молодого комсомольца Курочкина, еще более снизит влияние парторганизации на дела Республики. После мятежей Генсека Круминыша и комсомольского секретаря Скрипко, Николай Иосифович стал опасаться любых общественных организаций.

Наркомом внутренних дел вместо умершего от ран Шнурко назначили коменданта острова Сахалин, бывшего боцмана Панина, также пользовавшегося в экипаже Марти авторитетом.

В административных зданиях на центральной площади, названной площадью «Республики», велись отделочные работы. Все руководящие органы готовились к переезду в новые, удобные и красивые здания. На двух параллельных главной улицах началось строительство жилых домов для граждан бпг и подданных. Всю металлургическую, химическую, бумажную промышленность и производство боеприпасов перевели из Крыма на остров Кариаку. Береговую оборону и пограничную охрану острова организовали по тому же принципу, что и самого Крыма, из шести береговых артиллерийских позиций с 90-миллиметровыми нарезными пушками. На острове велось строительство круговой дороги для пограничных патрулей.

В Крыму остались только спецзавод и научные лаборатории, но их перевели на южную оконечность острова, подальше от города. Известняковый карьер остался на месте. Стройки требовали огромного количества каменных блоков и плит. Кирпичный завод и лесопилка переехали на северную оконечность острова в соседи к карьере. Кирпич и доски проще было вырабатывать на месте, чем завозить с Сахалина.

Верфь осталась на прежнем месте. Началось выполнение программы перевооружения флота. К Новому Году корабели вместо выведенных в резерв коггов Варяг и Киров ввели в строй одноименные сторожевые корветы.

В Сталинграде на нефтепромысле все деревянные постройки заменили каменными. Строительные отряды начали возведение каменной стены вокруг нефтепромысла взамен деревянного частокола, с которого и началось строительство первой Республики. Дорогу дотянули от туземной деревни Конкерабии до железорудного карьера. Приступили к строительству кольцевой дороги вокруг всего острова.

Все, казалось бы, шло хорошо, однако, у председателя Совнаркома на душе было не спокойно. Покой он потерял после мятежа комсомольцев – даравовцев. Первый мятеж – партийных бюрократов он воспринял как должное. Чего-то подобного ожидал. Уж слишком «против шерсти» Круминьшу и его компании были творящиеся в Республике дела.

Но комсомольцы! Своим мятежом они просто плюнули Николаю Иосифовичу в душу. Казалось, полная свобода для самореализации в любом деле, полная политическая свобода, полное материальное изобилие, просторные личные дома со всеми удобствами. По две – три жены у каждого! Чего еще желать!? Убеждай людей, борись за большинство в Совете! Так нет, задумали вооруженный мятеж и подлое убийство руководителей Республики. А они, руководители, к комсомольцам со всей душой!

Хочешь – не хочешь, а нужно было предусмотреть гарантии, что бы ничего подобного в будущем не случилось. После трех месяцев тяжелых раздумий, вечером 1-го января Мещерский пригласил к себе домой начальника Генштаба Веденева и главнокомандующего сухопутных войск Сокольского. Расположились в гостиной за рюмкой местного сухого вина с фруктами.

– Вот, думал я, думал насчет того, как мы все вместе чуть было на тот свет не отправились. И что сделать, чтобы такого безобразия в дальнейшем больше не случилось, – начал беседу Предсовнаркома.

– Ну, теперь у нас НКВД за всеми бдит, сексотов мы разрешили Панину среди мартийцев вербовать, – сразу подключился Веденев.

– А если заговор внутри НКВД созреет? Нет, я против Панина ничего не имею, он нормально работает. Но, чисто теоретически можно такое предположить, – продолжил Мещерский.

– А я на эту тему тоже думаю, как-никак, я из нас троих самый пострадавший от мятежников. Давно хотел тебе, Николай Иосифович предложить сформировать две новые структуры: во-первых личную охрану всех высших должностных лиц: консулов и трибунов, а во-вторых, учредить военную контрразведку. Для негласного наблюдения за настроениями во всех военнизированных структурах: в гвардии, в армии, в погранвойсках и в НКВД, – внес конкретные предложения Сокольский.

– Ну что же, у нас с тобой мысли сходятся. Я и сам так же думаю. А как ты это предлагаешь это конкретно оформить? – осведомился Предсовнаркома.

– Для Республики важнейшими являются Крым и Кириаку. На них размещены самые важные и совершенно секретные производства. И на них же проживают почти все руководители Республики. Предлагаю армейские гарнизоны этих островов преобразовать в «Особый полк охраны Республики». Отбор военнослужащих в него производить с предельной тщательностью. Из числа отличившихся в гвардии.

Полк должен состоять из двух батальонов: один в Крыму и один на Кириаку. Каждый батальон состоит из пяти рот: пограничной роты, артиллерийской роты и трех армейских рот. Армейские роты поочередно несут гарнизонную службу, охранную службу секретных объектов и охрану должностных лиц. Охранная служба обеспечивает круглосуточную охрану четырьмя бойцами председателя Совнаркома, и двумя бойцами – остальных консулов, трибунов и особо важных легатов. А также патрулирует города. Одна рота – на охране секретных объектов, другая – на охране должностных лиц и третья – гарнизон крепости и патрулирование улиц. В штабе полка создаем секретный отдел контрразведки.

– Идея хорошая. Только вот, почему это меня нужно охранять вчетвером, а остальных – по двое? Может всем консулам – по трое охранников, а остальным – по двое? – поинтересовался Мещерский.

– Ты уж извини, Николай Иосифович, но для процветания Республики лично твоя важность несравненно выше, чем Предсовета Вострикова, Предсуда Тараторкина и Генсека Курочкина. Тараторкин и Курочкин – вообще пацаны, – возразил Веденев.

– В конце концов, список охраняемых лиц можно утвердить персонально с указанием числа охранников каждому лицу. Это дело обсуждаемое, – завершил тему Сокольский.

– Ладно! Раз у нас троих мысли сходятся, быть по сему! Ты Виктор Палыч, подготовь, пожалуйста, свои предложения в письменном виде, затем мы их обсудим на Совнаркомке, потом передадим в Совет. Только вот, думаю, назвать этот полк следует не «Особым», а просто «Красной гвардией». Так историческую традицию соблюдаем. Нужно, чтобы служба в ней была самой престижной. Ну и оплачиваемой, конечно.

И, кстати, набрать в нее бойцов нужно не из местных, они уже слегка разбаловались, а из туземцев Гаити. На Гаити араваки еще до нашего появления и с карибами и с испанцами знатно рубились. Будут службу в Красной гвардии ценить. И жен пусть с собой с Гаити привезут. А жить будут в крепости. Вместе с семьями. Она сейчас пустая стоит, – предложил Мещерский.

– А пограничную охрану, в таком случае лучше, все же, оставить за местными. Артиллеристов, мне кажется лучше оставить в подчинении армейского руководства. А то, не хорошо получится, если все вооруженные силы острова будут под одним командованием. А так, получится пять независимых сил: конвойники НКВД, пограничники, армейские артиллеристы, флотская команда и Красная гвардия. Устойчивость системы в целом повысится. А если, не дай бог, опять внешняя опасность появится, на период военного положения можно всех отдать под командование наркома обороны, – внес новые предложения Веденев.

– Дополнения принимаются. Тогда уж, еще одно уточнение: Красная гвардия должна подчиняться не тебе, Виктор Палыч, а непосредственно мне, как Председателю Совнаркома. Таким образом, на острове вооруженные силы будут в подчинении аж пяти разных начальников: Предсовнаркома, главкома сухопутных войск, главкома флота, начальника погранвойск и наркома внудел, – заключил Мещерский.

– А я и не возражаю. Так более логично получится, – согласился Сокольский.

Решив важнейший вопрос, компания продолжила отдыхать и расслабляться. Собравшиеся переместились в патио, где жены Николая Иосифовича уже накрыли стол к ужину.

К концу марта Красная гвардия была сформирована и полностью укомплектована. Рядовых бойцов набрали на Гаити из гвардейских подразделений. Брали только имеющих боевой опыт и отмеченных госнаградами или, хотя бы, благодарностями командования.

Рядовых бойцов вооружили обрезами или двустволками, а комсостав – автоматами и пистолетами.

Командиров отделений отобрали из числа немцев и голландцев, после плена уже послуживших в действующих частях по договорам и принятым за заслуги в подданство. После разгрома Великой армады в плен немцы и голландцы попали в большом количестве. Прослышав о работающих в республике голландских мастерах и о действующем лютеранском храме, протестанты сразу же изъявили желание служить в армии по договорам.

Взводами командовать назначали испанцев из числа самых первых военнопленных, уже повоевавших, принятых в подданство и отмеченных наградами. Командирами рот стали только араваки, ранее командовавшие гвардейскими ротами и батальонами, награжденные орденами или медалями и дослужившиеся до звания «гражданин».

Со всеми кандидатами в командиры, начиная с отделения, Предсовнаркома беседовал лично. Чередование араваков, протестантов и испанцев по уровням командования, по замыслу

Сокольского, должно было полностью исключить возможность возникновения заговоров в Красной Гвардии.

Командиром полка Красной гвардии Совнарком назначил бывшего помощника старпома Марти Жмурова, последнее время работавшего на Кубе комендантом Гаваны.

Комбатами стали бывшие конвойники Переходькин и Швец. Оба успели поработать командирами крупных подразделений гвардии на Гаити. Начальником спецотдела контрразведки назначили бывшего старшину БЧ-1 Закомарского.

Всему комсоставу полка присвоили соответствующие воинские звания и гражданские категории. Жмуров стал подполковником и трибуном, а Переходькин, Швец и Закомарский – майорами и легатами.

Постановлением Верховного Совета воинские звания в Красной гвардии приравнялись к соответствующим званиям в обычной гвардии с превышением на одну ступень. С соответствующей прибавкой в окладе денежного содержания.

Тем самым Председатель Совнаркома надеялся гарантировать лояльность личного состава Красной гвардии.

Опустевшая было крепость мартийцев в Ленинграде снова зашумела детскими голосами. Все красногвардейцы были семейными и перевезли свои семьи с Гаити. В апреле верфь сдала флоту корветы Ленин и Энгельс. Одноименные корабли местного производства вывели в резерв.

Совнарком начал готовить новую экспедицию в Европу. На этот раз с совсем другими целями. Пора было наказать Испанию за агрессию и продемонстрировать остальной Европе могущество Республики.

3. Второй поход в Европу.

Готовя вторую экспедицию в Европу, Совнарком поставил перед Наркоматом индел, Наркоматом внешторга, Генштабом и главным командованием ВМФ следующие задачи:

Примерно наказать Испанию за агрессивные действия.

Продемонстрировать флаг и мощь Республики во всех крупных европейских странах.

Завязать прямые торговые отношения с европейским купечеством. Продать произведенные в республике товары без посредников.

Передать послания Совнаркома крупнейшим монархам Европы.

Доставить посольство Республики на территорию Великого Московского княжества.

Закупить русских девушек или молодых женщин для обеспечения ими всех мартийцев.

Проанализировав поступившие от наркоматов заявки на количество грузов и пассажиров, главком ВМФ Звягинцев предложил направить в Европу целую эскадру в составе военных транспортов Ослябя и Пересвет, крейсера Суворов, корветов Ушаков, Нахимов, Макаров и Казарский.

Транспорта должны будут загрузить в свои обширные трюмы товары для торговли, топливо для имевшего недостаточную дальность хода и не имеющего парусного вооружения крейсера, резерв топлива для корветов, топливо для гидроплана, запчасти для машин и оборудования, дополнительный боекомплект для всей артиллерии эскадры, продовольствие, пресную воду и всех пассажиров.

Корветы предназначались для разведки, охранения эскадры и захода в реки по мелководным фарватерам. Все же, осадка транспортов и крейсера значительно превышала таковую даже у самых крупных современных галеонов.

Ну а крейсер предназначался для обстрела испанских портов и обеспечения огневого превосходства эскадры над любым из флотов, которые могли повстречаться в европейских водах с враждебными намерениями.

Обсуждалась возможность отправки и второго крейсера, но главкомат ВМФ посчитал это избыточным. Своим главным калибром крейсер мог утопить одним – двумя попаданиями любой современный корабль. К тому же, для второго крейсера пришлось бы брать топливо за счет снижения полезной нагрузки транспортов.

Экипажи всех кораблей к этому времени набрали достаточный опыт плавания в океанских водах. Командовать эскадрой назначили лично главкома ВМФ. Свой флаг он решил держать на крейсере.

14 апреля 1543 года эскадра вышла из порта столицы Республики в боевой поход. Из репродукторов гремел Интернационал, все население Ленинграда стояло на набережной. Женщины махали шляпками, военные отдавали честь, приложив руку к фуражкам. Даже военнопленные, работавшие на стройках и заводах, бросили работу и, прикрывшись ладонями от солнца, наблюдали выход кораблей из порта. Конвой этому не препятствовал. Все понимали, что в жизни Республики наступает новый этап.

То же самое происходило на Сахалине, вдоль берега которого проходила эскадра. Работы возобновились, только когда все корабли скрылись в сияющей лазури Карибского моря.

Пройдя вдоль островов Малой Антильской гряды, эскадра пересекла Карибское море, прошла проливом Мона между Гаити и Пуэрто-Рико, повернула почти строго на север, дошла до 40-й параллели, а затем повернула на восток и пошла по классическому пути пересекающих Атлантику из Америки в Европу парусников.

Походный ордер эскадры составляли идущие строем кильватера Суворов, Пересвет и Ослябя, впереди в 10 милях шли в передовом дозоре строем фронта Ушаков и Нахимов, Макаров и Казарский осуществляли фланговое охранение главных сил. Собственно говоря, можно было бы идти и кильватером, встретить кого-либо в южной Атлантике было маловероятно, но контр-адмирал Звягинцев решил тренировать экипажи ходить в строю с самого начала.

Штормов в южной Атлантике не случилось. Ветры благоприятствовали. Шли под парусами, делая 5 – 8 узлов. Суворов дымил трубами, подстраивая свою скорость под ход парусников. За первые две недели похода эскадре пришлось идти под машинами лишь полтора суток. В это время корабли шли экономическим ходом в 7 узлов.

Пользуясь благоприятной погодой, адмирал остановил эскадру. На Суворова с Осляби перекачали топливо, на остальные корабли догрузили пресную воду.

В тысяче миль от Испании корабли потрепал двухдневный девятибалльный шторм. Паруса зарифили, штормовали под машинами, носом к волне. Опасались за гидроплан, закрепленный на юте Суворова, но обошлось без повреждений.

На 24 сутки к вечеру подошли к берегам Испании. Легли в дрейф, по счислению в 40 милях западне Ла-Коруньи, главного испанского порта на атлантическом побережье. Утром отправили на разведку Ушакова и Нахимова.

Нахимов остановил испанский когг, вышедший из порта. Сопротивления тот не оказал. Один только флаг Республики уже внушал ужас испанским морякам. Звягинцев приказал временно задержать когг. С Казарским на когг передали послание Совнаркома испанскому королю.

В послании Совнарком предупреждал, что отныне за любое нападение на корабли или владения Республики будет наноситься удар по территории Испании. Короля повторно предупредили, что проход испанских кораблей в Новый Свет полностью запрещен. Все испанские владения в Новом Свете объявлялись собственностью Республики.

Ушаков подошел к входу в гавань. Командир корабля старлей Лукошкин подтвердил, что штурмана вывели эскадру точно к Ла-Корунье, и доложил, что наблюдает корабли на внешнем рейде. Сам порт с моря не просматривается.

Вход в залив имел ширину всего полторы мили. Поэтому, планируя операцию, Генштаб запретил кораблям входить в гавань. Получить даже незначительные повреждения вдали от своих берегов было не желательно. На помощь к Ушакову пошел Казарский.

Ослябя и Пересвет остались дрейфовать под охраной Макарова. Крейсер подошел на четыре мили к берегу. Город с этого места не просматривался, скрываясь за холмами. С борта крейсера, пользуясь незначительным волнением, спустили гидросамолет. К-2м взлетел, набрал высоту и направился к порту.

Казарский и Ушаков получили команду утопить все корабли, какие увидят. Сторожевики подошли на полторы мили к входу в залив и открыли огонь своим главным, 90-миллиметровым калибром. С них просматривалось полтора десятка кораблей на внешнем рейде и с десятков на внутреннем. Причалы были не видны. Две пушки, не спеша, захлопотали.

Дистанция до кораблей противника составляла от двух до трех с половиной миль. Их государственной принадлежностью моряки не заморачивались. Команда была: топить всех. Генштаб надеялся таким образом нанести удар по внутри европейской торговле Испании. Отныне корабли других стран будут опасаться заходить в испанские порты.

Четыре корабля, видимо, военные, попытались поднять паруса и взять курс на корветы. Их и утопили в первую очередь. Остальные попытались поднять паруса и выброситься на берег. Удалось это лишь двоим. Комендоры сторожевиков не спеша, со вкусом утопили 26 местных корыт. На каждое потратили не более 4 – 5 снарядов. 2 – 3 на пристрелку и пара на утопление. На все затратили часа полтора.

Тем временем, Суворов развернулся носом против мелкой волны и, удерживаясь машинами на одном месте, начал пристрелку своей сто тридцаткой и двумя девянсто миллиметровками. Пилот гидроплана нарезал круги над портом. Летнаб по радио корректировал огонь. Главный калибр стрелял фугасными, а средний – фугасными и зажигательными. Снаряды использовались только местного производства. Немногие оставшиеся боеприпасы из старого мира командование расходовать запретило.

Долбили по крепости, по порту, по складам, по стоящим у причалов кораблям. Город старались не трогать. Генштаб в директиве приказал избегать потерь среди гражданского населения. В стрельбе артиллеристы упражнялись почти три часа. Израсходовали полсотни снарядов главного калибра и две сотни – среднего. Над портом встал огромный столб серого дыма.

Затем крейсер поднял на борт самолет, эскадра собралась в походный ордер и двинулась к следующему порту – Хихону. До него было 120 миль.

***

Капитан когга Санта-Катарина дон Санчес Куэльо видел все от начала и до конца. 9-го мая когг вышел из Ла-Коруньи, направляясь в Геную, и взял курс на Гибралтар. Однако, успел отойти от гавани лишь миль на пять. Крик впередсмотрящего с марса грот-мачты привлек его внимание к кораблю, приближавшемуся с запада. До корабля было мили три – четыре. И он шел на пересечку курсу Санта-Катарини. Без парусов!

Сердце капитана упало. Ему стало так плохо, что он схватился за поручень. Уже два года среди испанских моряков ходили страшные истории о колдунах из Нового Света. Лишь считанные корабли за два года вернулись оттуда в Испанию, принося новости одна страшнее другой. Якобы корабли колдунов ходили на огромной скорости без парусов против ветра, их пушки стреляли на три мили, никогда не промахиваясь, и топили все корабли одним попаданием.

Сам Папа Римский и император Священной Римской Империи Карл-V объявили Крестовый поход против колдунов и отправили в Новый Свет сильнейшую в истории эскадру. Из нее вернулся в Испанию лишь один корабль. И теперь дьявольский корабль стремительно накатывался на его Санта-Катарину. На дистанции в одну милю с корабля выстрелила пушка. Прямо по курсу когга встал всплеск от падения ядра.

Если уж весь флот Папы и Императора на справился с колдунами, то гробить свой когг, оказывая им сопротивление, дон Куэлью совсем не собирался. Он приказал боцману «свить всех наверх» и спускать паруса. Орудийные порты были задраены. Пока команда спускала паруса, корабль колдунов пересек курс Санта-Катарины и начал описывать циркуляцию вокруг остановившегося когга.

Во избежание недоразумений дон Куэлью приказал всей команде выстроиться вдоль фальш-борта и поднять руки, в интернациональном жесте сдающихся в плен. Никто из команды не попытался оспорить приказ. Что с колдунами «шутки плохи» слышали все. Обойдя когг с кормы, корабль остановился. Славящийся своим острым зрением сигнальщик Иглесиас сообщил, что на корме корабля развевается белый флаг с синей каймой понизу. Последние сомнения, если они у кого-то из команды когга и были, отпали. Это был флаг колдунов.

На страшном корабле подняли два сигнальных флага. Иглесиас разглядел, что это были флаги, которыми обычно портовые власти вызывают к себе капитана с судовыми документами. Капитан приказ колдунов понял. С борта Катарины спустили шлюпку и дон Куэлью направился к дьявольскому кораблю.

Узкий и длинный, размером с большой галеон, тот имел совершенно непривычные обводы. Почти плоская верхняя палуба имела лишь слабый прогиб посередине. Низкая надстройка находилась по миделю корпуса, а не на юте. Корабль имел три мачты и две высокие трубы, из которых вился черный дымок. Не иначе, там черти смолу в своих котлах варят, обменялись впечатлениями матросы. Пушечных портов у корабля не было. На баке и на юте корабля на тумбах торчали всего две совсем маленькие пушки.

Матросы подгребли к сброшенному с палубы шторм-трапу и привязали шлюпку к нему. Сверху капитану приказали ожидать в шлюпке.

В это время с запада подошел еще один точно такой же корабль. Оба корабля сблизились вплотную, но швартоваться на стали. Второй корабль тут же набрал ход и ушел в сторону Лакрунии.

С борта корабля на веревке спустили в шлюпку пакет. Приказали отвезти его в порт и передать лично в руки капитану порта или городскому голове. Однако, приказали коггу до особой команды оставаться в дрейфе. Матросы погребли обратно к Санта-Катерине. Осмотрев пакет, дон Куэлью прочитал на нем надпись: Послание Императору Священной Римской империи, королю Испании Карлу-V от Совета народных комиссаров Республики Камчатка. Ему опять стало плохо.

Поднявшись на борт, он отнес пакет в свою каюту и поднялся на высокий ют когга. Остановивший его корабль дрейфовал на месте. У входа в гавань стояли уже два таких же корабля. А с запада подходил еще один корабль, гораздо большего размера. Совсем без мачт. Две коротких огрызка, которые он имел, и мачтами назвать было сложно.

С большого корабля грузовой стрелой спустили на воду что-то непонятное. Отцепившись от корабля, это непонятное, быстро разгоняясь, понеслось по воде, а затем взлетело и стало набирать высоту.

– Отче наш, Езус Крайст и Дева Пресвятая, спасите и помилуйте нас, грешных, – часто крестясь, зашептал Санчес Куэлью. На палубе матросы занимались тем же самым. Некоторые упали на колени и, осеняя себя крестным знаменем, бились лбами о палубу.

Санчес разглядел, что ЭТО больше всего напоминало птицу с двумя парами крыльев, расположенными друг над другом. Вскоре птица набрала огромную высоту, выше окружающих порт холмов, и принялось кружить над городом.

– До чего же сильны эти колдуны, – поделился своими впечатлениями стоящий рядом с доном Куэлью старпом.

– Ничего, с божьей помощью и их одолеем! – ответил капитан. Последующие события заставили его усомниться в своих словах. Большой корабль подошел к берегу на пару миль,

а затем остановился напротив полуострова, отделяющего гавань от океана. С него заговорили пушки. Стреляли они очень часто. Примерно один раз за минуту. Разрывов на берегу видно не было. Но, вскоре, из-за холмов, прикрывающих Ла-Корунью с моря, поднялись клубы дыма.

– Они стреляют перекидным огнем через холмы, как мортиры, – сделал вывод стоящий рядом главный бомбардир.

– В порту уже что-то горит! Как же они попадают, не видя цели? – осведомился старпом.

– Колдуны, как есть колдуны, им сам дьявол помогает! – сделал вывод капитан.

Два меньших корабля, стоявших у входа в гавань тоже начали стрелять по каким-то целям. Каким именно, за мысом видно не было.

Стрельба продолжалась часа три. Над городом уже стоял громадный столб дыма. Там, видимо, бушевал огромный пожар. Корабли колдунов прекратили стрельбу. Дьявольская птица присела на воду, как утка, и подбежала по воде к большому кораблю. Там ее подняли на палубу.

Все четыре корабля колдунов развернулись и двинулись в открытое море. Дон Санчес Куэльо понял, что его отпустили на свободу. Санта-Катарина подняла паруса и двинулась обратно в порт. Послание колдунов нужно было срочно передать по назначению.

***

Утро следующего дня эскадра встретила в виду второго по важности атлантического порта Испании – Хихона. Сторожевики провели разведку и утопили у входа в порт 8 кораблей, стоявших на внешнем рейде.

Разгром порта провели по тому же сценарию. С Суворова подняли в воздух гидросамолет – корректировщик. На этот раз адмирал решил потренировать артиллеристов транспортов. Ослябя и Пересвет выстроились вдоль берега на удалении полторы мили от порта и вдумчиво выпустили за два часа по четыре десятка снарядов на каждый 90-миллиметровый ствол. Поровну фугасных и зажигательных. Поскольку сам порт был раза в два меньше, чем Ла-Корунья, то и столб дыма был в этот раз пожиже.

На следующий день расстреляли последний более-менее крупный океанский порт Испании – Сантандер. В стрельбе в этот раз упражнялись корветы Нахимов и Макаров.

По данным авиаразведки, в трех портах было уничтожено около 160 кораблей. Все портовые сооружения и склады сожжены. Охранявшие порты крепости – разрушены.

Миссия в Испании была успешно завершена. Эскадра, пересекая Бискайский залив, в походном ордере двинулась на север, в крупнейший французский порт Ла-Рошель. 250 миль до него прошли за двое суток. Корветы досматривали все встречные корабли. Идущие под испанским флагом, не вступая в переговоры, топили. Остальных – пропускали. Никто из встречных враждебных намерений не выказывал. Вид эскадры из трех крупнейших и четырех крупных кораблей вызывал у них только уважение, граничащее с испугом.

Адмирал расположил эскадру кильватерной колонной напротив входа в порт в двух милях от берега. Местные пушки дальше полутора миль не стреляли. В голове колонны – Нахимов, концевым – Казарский. Макаров и Ушаков пошли в порт. Ушаков встал на якорь на внутреннем рейде, а Макаров дождался представителя портовых властей и подошел к причалу.

На его борту находился глава торговой делегации нарком внешторга Дружков. Для надежности абордажную команду Макарова усилили двумя взводами стрелков – гвардейцев с двумя ручными пулеметами. Это в дополнение к двум штатным станковым.

Общение происходило на испанском языке. Местные его знали. Дружков знал еще и немецкий. Предъявление местным чиновникам верительной грамоты Республики Камчатка повергло тех в шок. Грамота была сделана красиво. Отпечатана типографским способом на больших листах пергамента с гербом Республики «Серпом и молотом» и Красной звездой в «шапке» и печатью Совнаркома внизу.

В грамоте, адресованной Главе города Ла-Рошели сообщалось, что представитель Республики трибун Дружков направляется во Францию для установления прямых торговых контактов с французским купечеством и готов продать купечеству города большую партию товаров, произведенных в Республике, а также закупить оптом местные товары (два списка товаров прилагались). Слухи про новосветских колдунов дошли и до Франции.

Портовые чиновники даже не заикнулись о каких-либо портовых сборах и налогах. Слишком суровая была у камчатцев репутация. Макарова поставили к центральному причалу. Подход корвета к причалу без парусов под машинами снова поверг местных в ступор.

Затем чиновники сошли по перекинутому на причал трапу и рысью рванули по набережной в сторону портовой конторы. Через четверть часа на борт взойшли большие портовые начальники: капитан порта, начальник таможни и командир пограничной стражи.

Матросы, абордажники и гвардейцы были выстроены вдоль бортов корвета в парадной форме и с оружием. Дружков раскланялся с чиновниками, местный этикет, благодаря испанцам, мартийцы уже освоили, и пригласил их в кают-компанию корвета. Портовые начальники в кораблях разбирались. Построенный из дорогих пород красного и черного дерева, сверкающий чистотой корвет, кают кампания, украшенная филигранной резьбой по палисандру и большими зеркалами, произвели на местных должное впечатление. Не говоря уже о стремительных обводах корпуса с удлинением 1:7.

Кают компании Ушакова и Суворова украсили заранее при подготовке экспедиции. Этим двум кораблям предназначались еще и представительские функции. Пушки, чтобы не смущать местных, накрыли чехлами. Впрочем, пулеметы стояли в боевой готовности, направив хищные дула не берег, в готовности выкосить все живое на берегу за секунды. На что способны пулеметы, местные знать никак не могли. Поскольку вести о разгроме испанских портов в Ла-Рошелле еще не дошли, приходилось соблюдать осторожность.

Местному начальству предъявили, помимо верительной грамоты, еще и запечатанное послание королю Франции от Председателя Верховного Совета Республики, и сообщили, что письмо может быть передано только лично в руки Главе города. Те стали зазывать представителей Республики в магистрат. От этого Дружков в дипломатичных выражениях отказался, заявив, однако, что готов встретиться с Главой города и главами купеческих гильдий на борту корвета.

Главный таможенник поинтересовался, в каких объемах указанные в списке товары могут быть проданы местным купцам. Услышав цифры: 100 тонн сахара в мешках по 50 килограмм, 20 тысяч литровых бутылок крепкого алкоголя, 80 больших, 120 средних и 300 малых зеркал, 50 часов – ходиков, 200 очков, таможенник утратил дар речи. Ему пояснили, что продажа будет проводиться только крупными партиями. Возможен бартер на товары, указанные во втором списке: парусина, пеньковые канаты, ткани, ртуть, селитра и другие химические материалы.

После угощения, сопровождавшегося дегустацией привезенных напитков, местные удалились. При спуске по трапу их приходилось придерживать под локотки.

Вечером на борт заявили городской голова с секретарем – переводчиком и председатель купеческой гильдии города с тремя заместителями по направлениям деятельности.

После церемонии взаимного представления гостей проводили в кают – компанию, где уже был накрыт стол. Присутствовали Дружков, его заместитель Подригин, командир корабля Тюленев и переводчик – француз. Среди взятых в плен с двух разгромленных испанских армاد оказались и французы, и португальцы, и генуэзцы, и немцы, и голландцы. Короче – представители почти всех европейских наций. Многие уже служили в Республике по договорам и даже были приняты в подданство. О том, что француз – это француз, местным не сказали. Его представили испанским идалго. Он должен был слушать, о чем гости говорят между собой.

За выпивкой и закуской французам повторили свою стандартную байку о прибытии с Камчатки, проинформировали их о положении дел в Новом Свете, подробно рассказали о разгроме Непобедимой армады и недавнем разгроме испанских портов. В состоявшейся затем непринужденной беседе согласовали цены на поставляемые сторонами товары. Дружков предлагал товары по тем же ценам, по которым должны были, согласно договорам, торговать купцы Везлеров. При этом он прекрасно понимал, что поставляемые через торговый дом Везлеров товары, прежде чем попасть к конечным покупателям во Франции, проходили через нескольких посредников, и их цена подскакивала минимум в полтора, а то и в два раза. Поэтому, предлагаемые французам цены, были для них крайне выгодными. Дружков сообщил, что эскадра задержится в Ла-Рошели только на 4 дня.

Купцы жаловались на скудные времена, говорили, что не смогут за считанные дни собрать сумму наличными. Предлагали в оплату банковские векселя от того же дома Везлеров. Дружков отказался, повторив, что кроме серебра и золота готов принять товары по бартеру по согласованным ценам.

Главе города вручили послание королю Франции Франциску-1. В послании Предсовета уверял короля в совершеннейшем почтении и отсутствии каких либо взаимных претензий между Францией и Республикой. Короля информировали о том, что все владения испанской короны в Новом Свете перешли в собственность Республики. Французские купцы приглашались с товарами в единственный республиканский торговый порт на острове Гренада. Глава обещал отправить послание с курьером в Париж.

Через четыре дня, закупив свежее продовольствие и воду, эскадра вышла из Ла-Рошели и направилась в английский порт Дувр. Напрягшись, местные купцы выкупили 23 тонны сахара, 7 тысяч бутылок спиртного, около половины зеркал, все часы и все очки. Все таможенные пошлины и портовые сборы Дружков переложил на местных купцов. В трюмы Осляби загрузили полученные по бартеру сорок тонн парусины и тканей, триста килограммов ртути и шесть тонн других химических реактивов. Тканей и парусины местные предлагали больше, но перегружать корабль было не целесообразно.

За два дня до отплытия до Ла-Рошели дошли вести о разгроме портов Испании. Местные, с одной стороны, обрадовались бедам конкурентов, а, с другой стороны, с большой опаской стали смотреть на стоящие на рейде корабли. Так что, провожали они эскадру со смешанными чувствами. Были рады, что избавились от опасных гостей, и жалели, что не успели собрать денег для выкупа всех предлагавшихся товаров.

До Дувра эскадра дошла за четыре дня. По отработанной методике, эскадра осталась на внешнем рейде, Ушаков встал на внутреннем рейде, а Макаров подошел к причалу.

В Дувре простояли три дня. Передали письмо королю Англии Генриху-VIII, продали 43 тонны сахара, 16 тысяч бутылок спиртного, две сотни зеркал, 50 часов и 200 очков. Приняли на борт 60 тонн грузов по бартеру. Из Дувра двинулись в Амстердам. Встречные корабли перестали досматривать. Испанцев в этих водах, практически, не было.

До залива Эйселмер, в котором располагался Амстердам, дошли за два дня. Там простояли пять дней. Расторговались хорошо. Продали 160 тонн сахара, 36 тысяч бутылок и 500 зеркал. Очки и часы, как всегда, отрывали с руками. На освободившееся в трюмах место загрузили парусину, ткани и реактивы. За время стоянки на рейде корабли снова загрузили пресной водой, свежим продовольствием, пополнили с транспортов боекомплект и запасы горючего.

От местных купцов выяснили интересные подробности про Везлеров. Завезя в Европу товары из Республики, они тут же пропускали их через 3 – 4 своих же посредников и в свободной оптовой продаже товары появлялись уже вдвое вздорожавшими.

Из Амстердама двинулись в датский Копенгаген. В то время Дания была сильным государством, контролировавшим Зундский пролив, по которому шел основной торговый путь

из Балтийского моря в Северное. За проход кораблей через Зунд датчане драли неслабые пошлины.

При планировании похода мнения в руководстве Республики в отношении Дании разделились. Сокольский и другие горячие головы предлагали сравнять с землей датские порты, включая столицу – Копенгаген, чтобы не платить пошлины, что было, по их мнению, унижительно для Республики. Мещерский, однако, предложил согласовать с местными властями пошлины на приемлемом уровне, а расправу с Данией отложить до лучших времен. Иначе придется на каждый проход через Зунд отправлять сильную эскадру.

На этот раз переход был длиннее – почти 600 миль. Шли пять дней. На шестой день вошли в широкий пролив Каттегат. У входа в пролив эскадра легла в дрейф. Ушаков и Нахимов двинулись на разведку.

Впереди – Ушаков, за ним в полутора милях – Нахимов. На подходе к самому узкому месту Зундского пролива, где он суживается до полутора миль, их встретил датский таможенный патруль из четырех галер. С берегов галеры могли поддерживать пушками две крепости. Их орудия простреливали узость насквозь. Флагами и холостым пушечным выстрелом патруль приказал Ушакову остановиться. Корвет застопорил ход. Одна из галер подошла к корвету. С нее спустили шлюпку.

Когда шлюпка подошла под борт корвета, на нее сбросили шторм-трап. По трапу на борт поднялись три таможенника. Общение происходило на немецком. Его таможенники знали. Вели они себя нагло.

Командир корабля Лукошкин представился, и разъяснил таможене, что корабль является передовым кораблем военной эскадры Республики Камчатка. На таможенников это особого впечатления не произвело. Видимо, слухи из Испании на другой край Европы приходили сильно искаженными и воспринимались местными, как сказки. Даже идущий без парусов корабль их не впечатлил.

Таможенники потребовали предъявить к осмотру груз. Лукошкин в ответ заявил, что корабль военный и груза не имеет. Тогда старший таможенник заявил, что за проход корабля без груза полагается пошлина в размере 4 золотых нобля, но осмотр корабля на предмет отсутствия груза все равно производить придется. 4 нобля равнялись примерно 40 граммам золота, и проблемой для мартиЙцев не были, но допустить досмотр корабля было никак нельзя. Осматривать корабль Лукошкин не позволил. Стороны расстались каждая при своем мнении. Таможенники спустились в шлюпку. Корвет развернулся и пошел к эскадре.

В кают-компании Суворова собралось руководство экспедиции. Решали, что делать. Инструкции, выданные Совнаркомом, предписывали приложить все усилия, чтобы пройти Зунд мирно, заплатив все требуемые пошлины. Однако, позволять местным производить осмотр кораблей категорически запрещалось. При отсутствии согласия, эскадре разрешался прорыв с боем. В этом случае предписывалось дать Дании максимально жесткий урок, однако, стараясь щадить мирных горожан.

Совнарком учитывал, что в Дании власть короля Кристиана-III слаба. Все решает дворянство, представленное в высшем органе власти страны – Ригсдаге. А договариваться с Ригсдагом, во-первых, слишком долго, а, во-вторых, невозможно. Дворянскую вольницу можно было убедить только большой дубиной в лоб.

Совнарком также учитывал, что дворянский Ригсдаг ведет жестокую борьбу с вольными городами: Любеком, Копенгагеном, Мальме, в которых власть принадлежит купечеству. Города опираются на поддержку крестьянства, недовольного властью дворян. Сравнительно недавно, в 1535 и 1536 годах дворяне подавили восстания в городах, поддержанные крестьянами.

Разгромив или сильно ослабив военные силы дворян, можно будет содействовать усилению городов и королевской власти. А с ними можно будет договориться.

Взвесив все обстоятельства, Звягинцев и Дружков решили прорываться, попутно разбив все горшки в датской посудной лавке, до которых удастся дотянуться. Присутствующим на совещании командирам кораблей выдали письменные приказы.

На кораблях развели пары и двинулись к проливу, на ходу перестраиваясь. В голову колонны выдвинулся крейсер. На его раковинах шли Ушаков и Нахимов. В кильватере крейсера – транспорта. Замыкали колонну Макаров и Казарский. Эскадра шла малым 6-узловым ходом.

В двух милях перед устьем выстроились 9 галер. Завидев эскадру, они развернулись бортом, готовясь дать бортовой залп. Зря надеялись.

Развлечение открыла носовая 90-миллиметровка Суворова с дистанции 2 мили. Вторым выстрелом она поразила центральную галеру. Дистанцию семафором передали на корветы. Их носовые пушки тут же подключились. Когда дистанция сократилась до одной мили, на поверхности пролива остались только две галеры, полыхавшие с носа до кормы. Вскоре и они исчезли под водой.

Огонь по крепостям, замыкавшим устье, открыли с двух с половиной миль. Первой подала свой голос сто тридцатка крейсера. Фугас рванул на стене левой крепости. За ней бабахнула носовая 90-миллиметровка. Ее расчет положил снаряд в стену правой крепости. К ней тут же присоединились носовые пушки корветов. За 15 минут обе крепости были превращены в холмы битого камня. На них потратили 36 снарядов главного калибра и 133 – среднего. Еще через 10 минут Крейсер и корветы вошли в устье. В холмах что-то горело и время от времени взрывалось.

На другой стороне устья никаких галер не оказалось, видимо, все они успели сгруппироваться для встречи эскадры. Флагман увеличил ход до 10 узлов. Необходимо было подойти до Копенгагена раньше, чем туда дойдет весть о разгроме галерного заслона. Пролив расширился. Эскадра перестроилась в кильватер. Ушакова и Нахимова адмирал вывел в голову колонны.

До столицы Дании дошли за два с половиной часа. Когда Суворов поравнялся с входом в порт, эскадра застопорила ход. Корабли растянулись цепочкой у кабельтове друг от друга в двух милях от берега. Выстрел кормовой пушки крейсера дал сигнал к расправе. На этот раз заговорили все пушки эскадры, кроме сто тридцатки. Главный калибр следовало беречь. Зато, к делу подключились пять трехдюймовок. Их расчетам давно хотелось пострелять.

Огонь вели вдумчиво. После каждого разрыва расчеты вводили поправку. Орудия стреляли поочередно, начиная с головного корабля. Смотрелось это эффектно. По берегу словно проходила очередь гигантского пулемета. 15 разрывов вставали на берегу слева направо один за другим. Каждый расчет стрелял по целям на своем траверсе. А целей хватало всем. Две крепости, корабли у причалов, портовые склады, административные здания. Город расстреливали почти два часа. Выпустили по полсотни снарядов на ствол. Всего 750 снарядов. Вся береговая часть города стала сплошным пожаром. Густые столбы дыма поднимались к ясному голубому небу.

Затем эскадра снова перестроилась в походный ордер и двинулась в Балтийское море. Впрочем, сначала адмирал приказал уклониться к югу, в сторону главного города Ганзейского союза – Любека. В Любек командование экспедиции решило не заходить, поскольку город располагался не на берегу моря. В него пришлось бы подниматься по довольно узкой реке Траве. После сегодняшнего разгрома Копенгагена это могло быть опасным.

На подходе к устью реки перехватили купеческий корабль, направлявшийся в Любек, и передали с его капитаном письмо городскому магистрату. В письме Звягинцев и Дружков разъяснили причины разгрома Копенгагена и предложили Ганзейскому союзу городов от имени Республики мир, дружбу и взаимовыгодную торговлю. Пригласили ганзейских купцов заходить на Гренаду. Сообщили, что идут в Новгород Великий и выразили желание провести на обратном пути переговоры, а также закупить некоторые товары, в первую очередь ртуть и дру-

гие реактивы. От Любека двинулись на восток, через Балтику в Финский залив. До устья Невы предстояло пройти почти тысячу миль.

Балтийское море и Финский залив прошли за 9 дней без проблем. Эти воды были хорошо знакомы мартийцам. Через «Маркизову лужу» эскадра вошла в устье Невы. Вместо гордого Ленинграда по берегам широкой реки раскинулись поросшие чахлым лесом болота. Сердца мартийцев на мгновение сжала тоска. Впрочем, она вскоре прошла. В Новом мире скучать не приходилось. Жить здесь было гораздо веселее, чем в старом.

По Неве прошли без проблем, глубина полноводной реки позволяла свободно идти океанским кораблям. Затем пересекли Ладогу и 25-го июня подошли к острову Валаам. Корабли бросили якоря. По плану, здесь эскадра должна была встать на длительную стоянку. Макаров и Казарский подошли к транспортам и пришвартовались борт к борту. На корветы догрузили топливо и боекомплект. К ним на борт перешел личный состав посольства в Московское княжество и рота гвардейцев. Затем, корветы двинулись к устью Волхова. С остальных кораблей на берег сошли аборажные команды и свободные от вахты моряки.

Началось сооружение берегового лагеря. Все необходимое бивуачное имущество извлекли из обширных трюмов транспортов. Из срубленных стволов соорудили каркасы, на них натянули запасные паруса. За двое суток все было обустроено: жилые палатки, столовая, кухня, сортиры и даже Красный уголок. В разгар лета в палатках ночевать было вполне комфортно. За два с половиной месяца похода моряки соскучились по твердой земле под ногами.

Макаров и Казарский пересекли Ладогу и подошли к устью Волхова. Вблизи устья нагнали две шедших на веслах ладьи. Ладьи тормознули. Купца – хозяина судов и по совместительству капитана, пригласили на борт Макарова, на котором находился руководящий состав экспедиции. Купца звали Иван Микулин. Как ни странно, в ступор при виде самоходных кораблей он не впал. Ему объяснили, что за кормой крутится винт и толкает корабль вперед. А кто крутит винт, он не поинтересовался. Объяснение его удовлетворило. Корветы он принял их за какие-то хитрые чужеземные галеры. С Микуным договорились быстро. Он за малую плату серебряными эскудо договорился провести корветы по фарватеру. Как должное принял, что корветы будут буксировать его ладьи.

На следующий день с утра два корвета вошли в Волхов. Шли самым малым ходом, постоянно промеряя глубины. Все же, Волхов был намного меньше Невы. Ладьи вели на буксире. Купец был очень доволен. Фарватер он знал хорошо. За день дошли до города Старая Ладога.

Когда за очередным изгибом русла реки показались золоченые главы церквей, сердца всех восьми мартийцев, находившихся на кораблях учащенно забились. Почти у всех на глаза навернулись слезы. Хороша земля Карибская, но Родина – это святое. На высоком берегу за высокими каменными стенами детинца сверкала куполами церковь святого Георгия – покровителя воинов. Хотя мартийцы были коммунистами или комсомольцами, именно при виде куполов, все они поняли, что вернулись на Родину. После трех лет отсутствия.

Дальше корветам хода не было, путь преграждали пороги, непроходимые для морских судов. Корабли бросили якорь на фарватере. Подойти к причалу они не могли из-за своей глубокой осадки. Ладьи отдали буксирные концы и подшли к причалу. Там уже стояло с десятков ладей и четыре морских судна. В Старой Ладоге обычно происходил обмен товарами между новгородскими купцами и «заморскими гостями», как называли иностранных купцов в Новгороде.

Иван Микулин сразу же направился к городскому посаднику, сообщить, что в город прибыли послы и купцы из далекой заокеанской Республики Камчатка.

4. Великое Московское княжество.

Слухи о том, что могучее Испанское королевство побеждено в Новом Свете какими-то новыми пришельцами, имевшими русские корни, до московских пределов уже были донесены ганзейскими купцами. Однако, эти слухи были настолько невероятными, что расценивались ответственными льдами как баснословные. Ну, никак невозможно было поверить в существование пушек, абсолютно точно стреляющих на 10 верст, да еще несколько раз в минуту. Как и в существование кораблей, могущих ходить без весел против ветра. С другой стороны, о том, что приток в Испанию золота и серебра из ее заокеанских владений два года назад резко сократился, чужеземные купцы утверждали со знанием дела.

Потому, когда в покои наместника Великого Московского князя в Старой Ладоге окольничего Тимофея Белосельского с круглыми глазами, задыхаясь от быстрого поема в гору, вбежал его хороший знакомый купец Иван Микулин, что было совершенно не свойственно уважаемому купчине гостиней сотни, и сообщил, что у пристани стоят большие корабли с посольством заокеанской страны Камчатки, причем сами послы говорят на ломаном, но вполне понятном русском языке, окольничий был поражен до глубины души.

Наместник как раз трапезничал. Первый раз на его памяти в город прибыли иноземные послы. Пришлось прервать трапезу. Государственные послы должны иметь ранг никак не ниже боярского, поэтому у Белосельского не возникло даже мысли требовать их к себе. Велев подать парадные одеяния, вызвал к себе начальника таможни и воеводу. Пока облачался, причесывался, одевал кафтан, соболью шапку, перевязь с парадной саблей и нагрудный знак наместника, подошли вызванные подчиненные. Благо жительствоваали они в соседних дворах. Оба уже знали о чрезвычайном событии и тоже были при полном параде. Им о прибытии необычных иноземцев уже доложили подчиненные.

Ожидавшему в горнице Микулину велел присоединиться. Вчетвером, в сопровождении десятка вызванных воеводой боевых холопов, они двинулись вниз по улице к пристани.

Погрузились на одну из микулинских ладей. Гребцы рванули весла и ладья одним махом подлетела к высокому борту стоящего на якоре корабля. Корабль был трехмачтовым, длинным и узким, намного длиннее и уже привычных европейских галеонов. На корме ветерок развеивал белый флаг с иней каймой по нижнему краю. С корабля сбросили веревочную лесницу.

Наместник со свитой поднялись на борт корабля и огляделся. Их встретил человек в совершенно непривычных одеждах. Узкий короткий кафтан, такие же узкие штаны черного цвета с медными блестящими пуговицами и картуз черного цвета с блестящим козырьком над глазами и серебряной эмблемой спереди. Они совершенно не походили ни на привычную русскую, ни на европейскую. Вдоль борта был выстроен караул из десятка воев в такой же одежде с фузеями необычного вида на плечах.

Встретивший их иностранец расшаркался по европейскому обычаю и представился капитаном корабля. Наместник представился в ответ и представил спутников. Капитан предложил пройти в кают-компанию для встречи с послом. Пока шли по палубе, Белосельский успел оглядеться. Корабль впечатлил. Он был весь сделан не из сосны, не из дуба, а из самого настоящего красного дерева. Причем из разных сортов красного дерева. Борты из одного, палуба из другого, надстройка из третьего. В Новгороде в покоях наместника боярина Верховского Белосельскому приходилось видеть комод и кровать из красного дерева. Привозили такую мебель из самой Испании и стоила она безумно дорого. Конвой оставили на палубе.

В кают-компании, изукрашенной затейливой резьбой по всем стенам, за исключением шести окон с большими стеклами и двух огромных, никогда ранее не виденного размера зеркал, их встретили четыре человека в тех же одеждах. Наблюдательный Белосельский заметил, однако, что одежды отличались количеством звездочек на плечах и на груди.

Посол имел на левой стороне груди пять золотых звезд. Заместитель посла имел на груди четыре золотые звезды. У капитана корабля было три серебряных звезды на груди и по четыре

звезды на каждом плече. Главный бомбардир и главный механикус корабля имели по три серебряные звезды на груди и на каждом плече.

Гостей пригласили за стол. И стол, и стулья, тоже были из красного дерева. На столе стояли стеклянные бутылки с напитками, булки и пироги на серебряных тарелках, серебряные же кубки.

– Я рад приветствовать уважаемых гостей на борту военного корабля Коммунистической Республики Камчатка. Мы прибыли из-за океана, из земель, называемых в Европе Новым Светом с посольством к Великому Московскому князю. Верховный Совет республики желает заключить в Великом князем договор о дружбе и начать взаимовыгодные торговые отношения, – приступил к дипломатии Дружков.

Наместник в ответ выразил огромную радость приветствовать на русской земле посла со спутниками и обещал оказать любое возможное содействие посольству.

Посол предъявил наместнику верительную грамоту, подписанную Председателем Верховного Совета Республики и запечатанное послание Председателя Совета народных комиссаров Республики Великому Московскому князю Ивану.

Наместнику поднесли в дар комплект зеркал: одно большое, два средних и четыре малых. Прикинув в уме возможную стоимость даров, Белосельский пришел в самое благодушное настроение.

Переговоры прошли в теплой дружественной обстановке, и завершились дегустацией произведенных в Республике напитков. Наместник пообещал выправить все необходимые для проезда документы, и оказать содействие в аренде ладей. Микулин выразил готовность предоставить посольству свои ладьи. Привыкшие к слабым медовухам гости не рассчитали свои силы. Да и пились предложенные гостям тридцатиградусные ликеры легко.

В итоге Микулину пришлось вызвать с берега еще одну ладью. Ее пришвартовали к первой и опустили на нее трап, а уже по трапу матросы спустили местную администрацию, плотно придерживая ее с двух сторон под локти. На прощанье окольников подарили кожаный кошель, плотно набитый серебряными эскудо. Хотели засунуть в карман, но карманов у него на кафтане не оказалось, пришлось подвесить кошель на пояс, чтобы не потерял.

На следующий день с утра порешали все вопросы. Арендовали шесть ладей, загрузили в них посольство, гвардейцев, подарки, припасы и после обеда двинулись в путь. Вести караван взялся сам Микулин. Он предоставил ладьи вместе с кормщиками, по двое на ладью. Своим помощникам, оставшимся в городе, купец поручил доставить на корветы продовольствие, необходимое эскадре. Ушлый купец почуял возможность хорошо заработать на обслуживании посольства. Узнав, что камчатцы погребли под себя все новосветские владения Испании, а также, вспомнив услышанные от иноземных купцов слухи о прекращении потока золота и серебра из Нового света в Испанию, он сделал совершенно логичный вывод, что теперь все это золото и серебро оседает у камчатцев.

После обеда двинулись в путь. Шли на веслах против течения. Гребли гвардейцы. За время морского путешествия они совсем заскучали без дела, теперь им пришлось поработать. Проплыли, впрочем, не далеко. Только до порогов. Там встали к причалу и перегрузили все имущество на телеги местных жителей. У них обслуживание порогов было основным заработком. Порожние ладьи местные бурлаки и гвардейцы повели через пороги бечевой. Прохождение порогов заняло целый день.

Потом три дня шли вверх по Волхову на веслах до следующего порога. Там опять все повторилось. На пятый день флотилия подошла к Новгороду Великому. За очередным поворотом русла показались купола многочисленных церквей.

На правом берегу над могучими краснокирпичными стенами детинца возвышался золотыми куполами собор святой Софии. На левом за стенами торгового Ярославова городища

блестели на солнце главы многочисленных церквей: Успения Богородицы, Иона Предтечи, Никольского собора и многих других. От множества золотых куполов рябило в глазах.

Из всех кто был на борту, только Дружкову приходилось бывать в Новгороде их старого мира. Сейчас он узнавал центр города, в котором очень многое сохранилось в неизменном виде за четыре сотни лет. Единственный из русских городов, Новгород Великий ни разу не разорился иноземными захватчиками. Только москвичами. Но, они город не жгли.

Все остальные члены посольства прочитали материалы по Московскому княжеству, Новгороду и Москве, подготовленные наркоматами индел и внешторга для экспедиции. В основном это были материалы из Брокгауза.

Наместник Новгородской земли боярин Никита Верховский уже два дня как получил депешу от наместника Старой Ладogi, доставленную специальным гонцом. Боярин сразу оценил значение прибывающего посольства. От ганзейских купцов, имевших контакты с немецким банкирским домом Везлеров, он уже не раз слышал о появлении в Новом свете выходцев из русской земли, которые разгромили войска и флот могущественного Испанского королевства. Дошли до него и сведения о предпринятом Императором Священной Римской империи при полной поддержке Папы Римского крестовом походе, закончившимся полным разгромом мощного имперского флота.

Поражению католиков он был весьма рад. Еще жива была память о крестовых походах тевтонского ордена на Русь. Да и с католическими Польшей и Литвой Русь постоянно воевала. Поэтому, послов он решил встретить по высшему разряду.

Как только ладьи посольства показались из-за поворота реки, на стенах детинца трижды громыхнули пушки, выбросив густые клубы дыма. На пристани послов встретили сам наместник со свитой, новгородские бояре и купецкие старосты.

В Новгороде пробыли только один день. Но, очень насыщенный: прием у наместника, обмен подарками, пир. Наместнику преподнесли удвоенный комплект зеркал, настенные часы, два пуда сахара. Снова изложили ему историю похода русских на Камчатку и поделились последними новостями из Нового Света. С купцами договорились о выкупе оставшихся на транспортных товаров, поставке парусины и канатов, воска и хвойной живицы.

Наместник выписал подорожную грамоту, навязывал свою охрану. Дружков от охраны отказался, согласившись взять двоих боярских детей в сопровождение посольства.

Утром выступили в поход. Прошли оставшиеся две версты по Волхову, пересекли озеро Ильмень и пошли вверх по Мсте.

Маршрут был долгим и трудным. Флотилия поднялась до самых верховьев Мсты. Там пришлось идти на шестах и местами бечевой. Малая ширина русла не позволяла пользоваться веслами. Места были дикие. За день встречали одно – два селения, а то и не одного. В каждой ладье четверо стрелков постоянно были в боевой готовности. Из близких кустов могли вылететь стрелы. По словам с выделенных наместником сопровождающих разбойного люда в этих местах хватало. Ночевали на берегу, выставя сильные сторожевые караулы. Однако, до Верхнего Волока дошли без стычек. Видимо, сотня хорошо вооруженных воинов на шести ладьях внушала уважение желающим разжиться чужим добром.

Дружков и Подригин постоянно общались с Микулиным и боярскими детьми Олегом и Кузьмой. Выясняли, кто есть кто при дворе Московского князя, попутно совершенствуясь в языке. Все же местный язык отличался от русского языка 20-го века довольно сильно, приходилось уточнять значения многих слов, да и речевые обороты тоже отличались сильно. Имевший большие способности к языкам Подригин к концу похода шпарил на местном русском свободно. Дружков уже все понимал, но с речью у него было похуже. Попутно обкатывали на местных свою камчатскую легенду, особенно стараясь выяснить объем их знаний о временах Дмитрия Донского. Объем оказался небольшим. На уровне легенд и сказаний.

В Волоке разгрузили ладьи, наняли местный гужевой транспорт, и с его помощью потащили ладьи по суше. Местные использовали бревенчатые катки, катившиеся под ладьями по бревенчатому же направляющему. Волоком дотащили ладьи до Тверцы и спустили их на воду. Там стало легче, довольно быстрая река легко понесла ладьи к Волге. В Твери остановились на ночевку. От застолья с наместником отказываться было бы не дипломатично.

По Волге спустились до устья Шоши. По ней снова пошли против течения. Из Шоши повернули в ее приток речку Ламу и дошли по ней до Волока Ламского. Снова с помощью местных волоком перетащили ладьи в речку Волошня. По ней спустились до ее впадения в Рузу, по Рузе – до Москвы реки.

Наконец, на 38-й день путешествия флотилия дошла до Москвы. На высоком левом берегу показались краснокирпичные стены Кремля, из-за которых выглядывали купола многочисленных храмов и крыши великокняжеских теремов. Мощные крепостные башни еще не имели остроконечных наверший, построенных значительно позже.

Весь город в этом времени примерно вписывался в пределы Бульварного кольца 20-го века. Застройка была по преимуществу деревянной и одноэтажной. Так что, одноэтажные избушки западных предместий города открылись виду одновременно с Кремлем.

Прибывающую флотилию встретили холостыми залпами крепостные пушки. Опекун малолетнего Великого князя боярин Андрей Шуйский, предупрежденный гонцами из Твери, направил встречать посольство начальника посольского приказа думного дворянина Андрея Вельяминова. На спешно освобожденной для важных гостей пристани, прямо у Водовзводной башни Кремля выстроился, блестя на солнце кольчугами и латами, почетный караул из сотни княжеских дружинников.

Впрочем, гости выглядели не хуже. Выскочивший из ладей на пристань конвой посольства по команде построился в две шеренги. Два взвода стрелков тоже были в длинных, до колен, кольчугах и шлемах, а два взвода пехотинцев сверкали еще и латами, одетыми поверх кольчуг. Начальник посольского приказа и посол Республики встретились между двух отрядов и обменялись церемонными приветствиями на европейский лад. Думный дворянин европейский церемониал знал, и ответил на приветствие посла в соответствии с ним.

После обмена приветствиями Вельяминов предложил Дружкову проследовать в отведенную для посольства усадьбу в стенах Китай-города. Для транспортировки грузов пообещал вскоре прислать грузчиков и подводы. Дружков оставил для охраны ладей взвод пехотинцев. Вельяминов тоже оставил два десятка дружинников.

Затем все двинулись в Китай-город. Впереди сотня дружинников в колонне по двое, за ними Дружков с Вельяминовым, следом – Подригин и командир роты Калибен, за ними – два дьяка из посольского приказа. Замыкала шествие специальная гвардейская рота охраны посольства. Шли недолго, минут пять.

Между стенами Кремля и Китай-города располагался квартал богатых купцов и дворян. Ближе к Кремлю размещались лавки богатых купцов, а ближе к китай-городской стене – жилые усадьбы. Каждая усадьба была обнесена внушительной деревянной стеной с крепкими воротами, из-за которой выглядывали крыши теремов, в основном деревянных, хотя попадались и каменные. Улицы, по которым шли, были вымощены распиленными вдоль бревнами, уложенными на грунт плоской стороной вверх. Вдоль стен вместо тротуаров – сточные канавы, сбегające под уклон к реке.

Вскоре процессия вошла через открытые во двор усадьбы. Вокруг обширного мощного двора располагались двухэтажный терем со светлицей, просторные людские хоромы, конюшня, дровники, амбары, погреба, баня, умывальники, уличные туалеты. Усадьба была полностью автономной, в ней имелся даже собственный колодец. Позднее выяснилось, что усадьба до недавних пор принадлежала казненному Шуйским дьяку Федору Мищурину, сто-

роннику покойной Елены Глинской – матери Ивана Васильевича. Все семейство Мишурина подверглось опале и было выслано в дальние северные уделы.

Посольские дьяки провели помощника посла по основным постройкам и передали ключи от всех помещений. Все имущество репрессированного Мишурина осталось на месте, за исключением продовольствия. Места в усадьбе было достаточно для свободного размещения посольства и конвоя. Вскоре прибыли подводы с имуществом. Вельяминов предложил Дружкову располагаться в усадьбе и ожидать вызова пред светлые очи Великого князя.

Посол выразил желание до официального представления посольства государю встретиться с опекуном государя боярином Шуйским. Вельяминов пообещал донести желание посла до опекунов и убыл, прихватив с собой Командир штабного взвода Пасгатеков взялся за освоение территории. Хозяйственное отделение роты принялось осваивать кухню. Вскоре в очагах загудел огонь, а в котлах забулькала каша с мясом. Посол приказал приготовить усиленный праздничный ужин.

Штатный состав и вооружение спецроты сопровождения посольства весьма сильно отличались от состава обычной гвардейской роты. Вместо одного отделения стрелков, вооруженных двустолками, в ней было два полных взвода стрелков. Двух взводов легкой пехоты, вооруженных луками, не было вовсе. Два взвода тяжелой пехоты были экипированы в полный доспех, включая кирасы, наручи, поножи, латные перчатки и шлемы с забралами. Имелся штабной взвод, отсутствующий в стандартной роте, в составе хозяйственного, штабного и радиофицированного связного отделений. Все командиры были араваками, причем отделениями командовали граждане Республики, имевшие боевые медали, а взводами – избиратели, награжденными орденами. Командир роты двадцатилетний избиратель старший лейтенант Калибен имел даже два боевых ордена и медаль. Он был воином из племени Петекотля, первого из местных племен, принятых в подданство Республики, и начинал службу еще на Тринидаде в 39-ом году.

Командиры стрелковых отделений в качестве личного оружия имели по два обреза. Командиры стрелковых взводов, командир роты, как и оба посла имели на вооружении по обрезу, по пистолету и по автомату. Впрочем, нарезное оружие старались не светить без крайней необходимости. Пистолеты держали в кобурах под кителями, автоматы – в чехлах.

В случае боевого столкновения тяжелые пехотинцы должны были послужить живыми щитами для стрелков. А стрелки из-за спин пехотинцев – вести огонь по противнику. 40 стрелков могли обеспечить 160 прицельных выстрелов в минуту.

Согласно стрелковому наставлению, по пехоте или коннице в сомкнутом строю из гладкоствольных двустолок можно было вести огонь с двухсот метров. На этой дистанции круглые свинцовые пули полудюймового калибра уверенно пробивали местные кольчуги. По ростовой мишени опытный стрелок уверенно попадал со ста метров. При этом пуля пробивала местную кирасу.

С полусотни метров наставление рекомендовало переходить на стрельбу картечью. 12 картечин диаметром 6 миллиметров, помещавшихся в патроне, на этой дистанции рассыпались по кругу диаметром полтора метра, и выводили из строя противника при попадании одной картечины в открытую часть тела: в голову, в руку или в ногу.

На этой же дистанции к двустолкам могли подключиться пять автоматов, с суммарной боевой скорострельностью 500 выстрелов в минуту. Так что, в реальном бою до строя пехотинцев никакой противник, скорее всего, не добрался бы.

По периметру усадьбы Калибен выставил шесть парных караулов: один пехотинец и один стрелок в каждом.

Дружков выдал Микулину увесистую суму с серебром за доставку посольства из Ладуги в Москву, а также немаленький кошелек для приобретения необходимого посольству продовольствия, двадцати верховых лошадей и двух пароконных колясок и двух подвод. Наме-
ре-
вавшийся закупить в Москве товары на все полученные от Дружкова деньги и отправиться

обратно в Новгород, купец охотно согласился попутно закупить и товары для посольства по хорошим ценам за небольшие комиссионные.

К вечеру Микулин пригнал три подводы, заполненные закупленным для посольства продовольствием. От пристани под охраной гвардейцев пришли подводы, груженные имуществом посольства. Связисты натянули вдоль конька крыши терема антенну, пробросили кабели и развернули в самом дальнем чулане радиостанцию. Заодно на крыше терема установили государственный флаг Республики. Ночью Дружков смог связаться с эскадрой и сообщить, что посольство без потерь прибыло в Москву.

В письменных инструкциях, выданных Совнаркомом трибуну Республики полномочному послу и наркому внешторга Павлу Игнатьевичу Дружкову, давался расклад по важнейшим персонам Московского княжества. Информация была почерпнута из Брокгауза. В нем оказалось много статей, посвященных Московскому и другим княжествам, княжеским и дворянским родам, Куликовской битве и другим сражениям 14 – 16 веков.

Прежде всего, была тщательно проработана легенда об экспедиции на Камчатку. Первоначальная версия «Истории государства Камчатка» была тщательно переработана и отпечатана в виде книжки. Оказалось, что князь Дмитрий Донской, сильно обидевшись на Рязанского князя Олега, который снюхался с Мамаем и отказался присоединить свою дружину к московскому войску, после разгрома Мамаю приказал Олегу, в качестве отступного, снарядить экспедицию для поиска северного морского пути в Китай в обход Золотой Орды.

Экспедиция состояла из 12 боярских детей, их поименный список приводился, двух десятков служилых людей и полутора сотен боевых холопов. В 1381 году, пройдя от Вологды по Сухоне и Северной Двине до рыбацкого селения Холмогоры, экспедиция с помощью местных поморов построила 8 морских кочей, наняла полсотни местных мореходов и двинулась дальше в Белое море. Дальнейшая история экспедиции не корректировалась. Был только добавлен раздел о борьбе Республики с Испанией в Новом Свете в 1539 – 1543 годах.

Составляя «Историю», нарком индел Зильберман учитывал, что при нашествии Тохтамыша на Москву в 1382 году весь город был сожжен. Сгорели и все архивы. Рязань за прошедшие полтора века тоже неоднократно разорялась и сжигалась татарами. Вологду отряд прошел не задерживаясь, поэтому, письменных следов там не осталось. А в Холмогорах летописи никто не вел. Так что, письменные свидетельства об экспедиции в бурной российской истории 14 – 16 веков вполне могли полностью исчезнуть. Тем не менее, генеалогическое древо знатных мартийцев было прописано от тех самых боярских детей и служилых людей рязанского княжества.

Из статей в Брокгаузе выяснили, что отец нынешнего князя Василий-III в своем завещании поручил опеку над малолетним сыном Иваном семи боярам, в число которых входили и братья Шуйские. В последующие годы шустрые братцы выжили или истребили под разными предложениями пятерых других опекунов, по-видимому, отравили мать Ивана Елену Глинскую, и прибрали всю власть себе, при этом, они сильно притесняли малолетнего Ивана и его брата Георгия. Иван был на них сильно зол. Ко времени посольства Иван и Василий Шуйские умерли, единоличным опекуном остался Андрей Шуйский. Согласно Брокгаузу, в ближайшее время тринадцатилетний Иван должен был казнить Андрея Шуйского, и вернуть к власти Глинских.

Поэтому, в инструкции посольству предписывалось опекуна Шуйского щедро одарить, все дела вести только с ним, однако, кроме торгового договора, никаких других письменных соглашений с ними не заключать. А тринадцатилетнему Ивану подарить интересные технические игрушки и книги, тем самым заинтересовать его в следующей встрече с камчатцами, которая предполагалась после его воцарения в 1545 году.

На следующий день, 5 августа прибыл Вельяминов и пригласил послов на беседу к Шуйскому. Боярин весьма заинтересовался посольством. Слухи, доходившие до Москвы через ганзейских купцов, свидетельствовали о появлении в Новом Свете нового сильного государства, связанного происхождением с русским государством. Союз с ним мог бы резко усилить положение

ние Московского княжества относительно соседних стран: Польши, Швеции, Крыма и Орды, тем самым и упрочить положение опекунов в Московском государстве.

Из присланного с гонцом послания Новгородского наместника он узнал о разгроме эскадрой Республики портов в Испании и Дании. Опросив боярских детей Олега и Кузьму, сопровождавших посольство от Новгорода, подтвердивших весть о разгроме Испании и Дании, а также подтвердивших сведения о самоходных морских кораблях, на которых прибыло посольство, он еще более заинтересовался.

Приближающееся совершеннолетие Ивана весьма напрягало Шуйского. Боярин знал, что будущий государь сильно ненавидел его покойных родственников Ивана и Василия, и эта ненависть частично переносилась и на него самого.

На встречу с Шуйским послы выехали в коляске в сопровождении конного конвоя в составе одного стрелкового взвода. На двух пароконных подводах везли подарки боярам. В Кремль въехали по мосту через ров через Спасские ворота.

Послы с интересом крутили головами. Как и в Китай-городе территория внутри крепости была занята усадьбами. Только в Кремле жительствовавшие родовитые бояре. Соответственно, терема в усадьбах были выше и богаче. Над теремами господствовали увенчанные золотыми главами белокаменные храмы, великокняжеский дворец и Грановитая палата. Вельяминов привел процессию к высокому крыльцу палаты. На крыльце стоял караул из воинов с бердышами. Вельяминов пригласил послов в палату, попросив, однако, оставить конвой у входа. Дружков не стал возражать, оговорив, право воинов конвоя занести в палату подарки. В открывшиеся перед ними высокие двухстворчатые двери вошли Дружков, Подригин и командир конвоя. Все трое имели при себе парадные мечи на поясе и заряженные пистолеты в кобурах под кителями. В случае какой-либо подлянки со стороны Шуйского, вполне могли отбиться.

Вельяминов ввел посольство в зал и объявил:

– Посол Коммунистической Республики Камчатка, народный комиссар и трибун Республики господин Дружков с сопровождающими лицами.

Присмотревшись после яркого солнечного света к полутемному залу, а света через небольшие окна в палату проникало немного, послы увидели, что просторный зал практически пуст. Все скамьи, стоящие вдоль стен пустовали. Высокий трон у противоположной от входа стены тоже пустовал. Справа от трона сидел на стуле боярин, именно такой как их рисовали в школьных учебниках истории: в красном бархатном кафтане, отороченном мехом, с длинными рукавами и высоким воротом, в высоченной меховой шапке. Очевидно – боярин Шуйский. Рядом с ними сидели уже знакомые посольские дьяки. Шапки у них были значительно ниже и кафтаны синего цвета без меховой оторочки. Слева за конторкой стоял писец с гусиным пером в руке – секретарь. Все, кроме писца, сильно бородатые. Вельяминов остался стоять рядом с послами.

– От имени Верховного Совета и Совета народных комиссаров Коммунистической Республики Камчатка приветствую опекуна Великого Московского князя высокородного боярина Андрея Шуйского, – начал свою речь Дружков. Республика желала бы заключить с Великим Московским княжеством к обоюдной выгоде торговый договор и пригласить к себе посольство Великого Московского княжества. Разрешите, великородный боярин, внести мои личные подарки, – Дружков старался говорить на современном русском языке, в котором уже поднабрал за время путешествия, с современными интонациями. Конечно, иногда ошибался, но боярин и дьяки, судя по их кивкам, его вполне понимали. Шуйский кивнул.

– Вносите, – дал отмашку Вельяминов. Стрелки внесли два ларца, пронесли их по залу и поставили перед троном. Подригин комментировал:

– Тысяча серебряных эскудо.

Стрелки внесли напольные часы высотой в рост человека в резном лакированном корпусе из палисандра.

– Часы, сделанные мастерами в Республике. Нигде в Европе таких часов не делают. – Это были обычные ходики с гиревым заводом, однако, с большим циферблатом и в большом красивом корпусе.

Следом внесли два больших, опять же в рост человека, зеркала в рамах из розового дерева.

– Зеркала большие настенные, опять же, сделанные в Республике. Таких в Европе тоже не делают. – Нарком внешторг предполагал, что поставляемые в Германию через дом Везлеров зеркала до Москвы еще не дошли.

– Ручница охотничья, сделанная в Республике, с зарядами и с прикладом для снаряжения зарядов. Таких аркебузов нигде в Европе не делают. – Стандартная двустволка с воронеными стволами и серебряными гравированными накладками на щечках и затыльнике приклада. Совнарком посчитал, что воспроизвести технологию производства капсюлей в Европе все равно не смогут. При этом учитывалось, что в Мексике гвардейские отряды всюду эти двустволки применяют, и к испанцам, так или иначе, они вполне могут попасть.

– Это все были личные подарки высокородному боярину от посла. Подарки от Республики будут вручены на представлении посольства Великому Московскому князю, – завершил церемонию Подригин.

Судя по довольному выражению бородатой боярской морды, подарки понравились. Еще бы, 24 килограмма серебра, да и остальные вещи по ценам Везлеров примерно на такую же сумму потянут, подумал нарком внешторга.

– Я с благодарностью принимаю личные подарки посла, и приглашаю в трапезную, отве-
дать нашего угощения, – встав с места, важно проговорил боярин, забавно при этом двигая
окладистой бородой.

Из Грановитой палаты все собравшиеся, за исключением писца, проследовали в находив-
шуюся совсем рядом личную усадьбу Шуйского. Стол был накрыт царский. Первых блюд на
подавали. Зато, вторые шли друг за другом непрерывной чередой. Рябчики фаршированные,
перепела на вертеле, медвежатины тушеная, молочные поросята печеные, осетрина копченая
запеченная в тесте, черная икра просто стояла на столе в больших блюдах. Расстегаи, шаньги,
кулебяки. Ели, пользуясь ножами и двузубыми вилками. И все это запивалось медовухой под
застольную беседу.

Послы вкратце изложили официальную версию «Истории Республики». Шуйский и
дьяки особенно долго обсуждали фамилии детей боярских, отправленных Дмитрием Донским
за Ледовитый океан. После длинного обсуждения они нашли мартиям много родственников
среди московской и удельной знати. Обещали познакомить Дружкова и Подригина с родствен-
никами.

Потом обсуждали государственное устройство Республики. Хозяева нашли большое
сходство с Новгородской и Венецианской республиками. Попыток навязать Республике сузе-
ренитет Москвы, чего опасался Совнарком, отправляя посольство, не было совсем.

Местные совершенно спокойно проглотили легенду об ушедших пришельцах со звезд.
Информация о кругосветном путешествии Магеллана уже давно достигла Московии. Фунда-
ментальный труд Коперника «О вращении небесных тел» тоже был известен. Хотя и не одоб-
рялся православной церковью.

Некоторый интерес вызвали технические новинки: самоходные корабли и скорострель-
ные пушки. Но, только после описания разгрома испанских и датских портов.

Прямо за столом посол продемонстрировал механизм заряжания ружья. Этим очень
заинтересовались посольские дьяки. Подригин пообещал подробно объяснить и показать, как
снаряжаются патроны. Договорились завтра показать ружье в действии.

Обсудили статьи торгового договора. Шуйский очень заинтересовался.

Обещал взять под личный контроль возведение крепости и порта в устье Северной Двины около Михайло-Архангельского монастыря. И даже взялся лично закупить в Европе пару – тройку морских кораблей, нанять на них экипажи и начать торговлю с Республикой. Дружинин же пообещал прислать следующим летом в новый порт купцов от дома Везлеров с товарами из Европы и Нового света, а также для закупки парусины, пеньковых канатов, воска и хвойной живицы, необходимых Республике.

Когда все насытились, и деловые вопросы были обсуждены. Дружков распорядился принести бутылки с ликерами. Сладкие фруктовые напитки имели крепость 30 градусов и пились легко. Почти как десятиградусная медовуха. Поэтому Дружков и поберег их до конца банкета, ожидая, пока хозяева наедятся до отвала. Тем не менее эффект превзошел все ожидания. Ликеры пошли «на ура».

Вскоре Шуйский полез к послу целоваться, дьяки совсем перестали «вязать лыко», один из них вообще заснул за столом, положив голову на руки. Лишь заранее предупрежденный Подригиным о коварстве ликеров, Вельяминов сохранил трезвость мысли и речи. Говоря дипломатическим языком, обед прошел в теплой дружественной обстановке.

Упоив хозяев, гости двинулись домой.

***

После смертей братьев Ивана и Василия, Андрей Шуйский остался единственным опекуном малолетнего государя, практически, полновластным правителем государства российского. Нет, конечно, в торжественных случаях мальчонку сажали на трон, нахлобучив Шапку Мономаха и вручив ему Державу и Скипетр. Но, всеми делами вершил Андрей. После расправы, учиненной покойными братьями над другими опекунами и влиятельными боярами, Боярская дума боялась даже пикнуть. Несогласных имевшие военную силу Шуйские тут же отправляли в ссылку, а то и казнили. Последними такой участи подверглись сторонники Глинских. Злые языки поговаривали, что мать Ивана Васильевича Елену Глинскую отравили по приказу Шуйских. Поймав, эти языки отрезали, как правило, вместе с головами. Но, пресечь слухи не удалось.

Однако, будущему государю шел уже 14-й год. Увлечшись борьбой с конкурентами, Иван и Василий оставили мальчишку с младшим братом в небрежении, бросив его на мамок и дядек. Рос он затворником. Из палат его не выпускали, чтобы не попал под влияние конкурентов. Однако, вырос он волчонком, и уже пытался показывать зубы. На Шуйских он был зол. Слухи об отравлении матери до него тоже дошли. Дворня наболтала. Да и многочисленные родственники репрессированных Шуйскими Глинских, Старицких, Захарьиных, Тучковых, Бельских, Воротынских давно точили на него длинные кинжалы.

Поэтому, боярин Андрей чувствовал, что земля под ногами начинает гореть. До совершеннолетия государя оставалось всего два года. Приезд посольства заокеанской Республики он воспринял как знак свыше. Если удастся заручиться дружбой и поддержкой посла, то Иван, взойдя на престол, поостережется его трогать. Не разумно будет ему портить отношения с могущественной и богатой Республикой. Под конец пира, под чашу ликера, посол попросил устроить после официального приема посольства частную встречу с будущим государем. Боярин обещал поспособствовать.

***

На следующий день, выяснив, что официального приема не будет, посол решил, чтобы не терять драгоценного времени, принять в усадьбе дьяков посольского приказа во главе с Вельяминовым. Для налаживания неформальных контактов. Столы в трапезной ломились от яств, ликеры текли рекой. Снова обсуждали возможное родство послов. Назвали около десятка вероятных «родственников». Каждому дьяку презентовали по кошельку с некоторым количе-

ством эскудо. Пир закончился объятиями и пьяными объяснениями в вечной дружбе. Через дьяков передали приглашение в усадьбу возможным родственникам. Привыкшие к слабому венгерскому вину и медовухе, дипломаты пали жертвой ликеров. Закаленный за полтора десятилетия на торговой службе посол перенес ликеры легко.

Прием у государя снова отложили. Вечером в усадьбе пили с вновь обретенными «родственниками». Через них посол намеревался свести знакомство с будущими близкими советниками Ивана-IV: Адашевым, Курбским, митрополитом Макарием и священником Сильвестром, известными из все того же Брокгауза. Все приглашенные снова упились. Посол надеялся, что в непрерывной череде попок Шуйский не сможет выявить интерес посла к вышеперечисленным персонам.

Наконец на третий день прибыл гонец от Шуйского с приглашением на официальный прием посольства, назначенный на послеобеденное время. За три часа до приема послы нанесли частный визит Шуйскому. Он принял их без промедления. Говорили о перспективах Российского государства. Дружков обратил внимание боярина на уникальность его географического положения. На западе за каждый клочок земли шла непрерывная драка европейских государей. А на востоке лежали бескрайние, практически бесхозные земли. Тамошних туземных князьков можно было легко разогнать парой сотен воинов с огнестрельным оружием. Привел в пример завоевание всего Нового Света крошечными силами испанцев.

А в заключение Дружков презентовал боярину карту южного и центрального Урала с нанесенными на ней еще не открытыми месторождениями железа, каменного угля, меди, золота и самоцветов. Карта была черно-белой, в масштабе 1 см на карте = 10 км на местности. Над картой плотно поработали в Генштабе. Горные хребты были нанесены жирными черными линиями, реки – тонкими голубыми. Найти по карте месторождения было легко. Дружков пояснил, что «ушедшие» специально искали месторождения своими методами, а их карты сохранились в архивах. Шуйский сразу понял, что именно попало к нему в руки. Глаза его загорелись. А когда посол показал ему месторождение золота, он потерял обычную выдержку, встал, приобнял Дружкова, и с дрожью в голосе сказал:

– Павел Игнатьевич, я твой должник до гроба!

Дружков несколько охладил его восторги, заявив, что такую же карту передаст государю, однако, месторождение золота на ней указано не будет. Посол рекомендовал начать поиски уже этим летом, и начать их с горы Магнитной, а потом, якобы попутно, обнаружить золото. При этом Дружков, чтобы не выглядеть простофилей, оговорил, что за эту карту хочет получить одну треть добытого золота. Шуйский, почуяв большую выгоду, согласился, подумав про себя: да откуда же ты узнаешь, сколько золота я там добуду. А Дружков знал, что разрабатывать золото Шуйскому придется недолго. Вскоре Иван устранил спесивого опекуна. Главное, чтобы он успел отправить экспедицию на Урал.

5. Великий князь Московский.

Тощий нескладный длиннорукий подросток пытался перечитывать «Книгу чудес света» на латыни, написанную итальянцем Марко Поло. Однако, знакомый текст не лез в голову. К тому же гости, которых он с нетерпением ожидал, прибыли не из Китая, не из Индии, описанных в книге и давно известных европейцам, а из Америки, находящейся совсем в другом конце света.

Великий князь Московский Иван Васильевич вырос сложным ребенком. В три года он лишился отца, в восемь лет умерла его мать, по всей видимости, отравленная боярами. Так что, рос он под присмотром мамок и дядек, назначенных опекунским советом из семи высококордных бояр, назначенных его отцом перед смертью.

Все его детские годы прошли в обстановке жесточайшей схватки за власть между опекунами. Одного за другим опекунов коллеги по опекунскому совету отправляли в ссылку, а то и казнили. Вслед за репрессированными боярами в ссылку, как правило, отправлялись и все их родичи. Не раз по ночам его будили крики и звон оружия. Это выволакивали из находившихся по соседству спален его мамок и дядек, принадлежавших к родам, подвергшимся опале.

Рано лишившийся отца и матери, он не успевал привыкнуть к одной мамке, как она исчезала. Сначала исчезла мамка Антонина Челядина, за ней вновь назначенная Марфа Воротынская, за ней – Мария Бельская. Дядьки менялись еще чаще. После того, как исчезли один за другим товарищи его детских игр Дима Глинский, Олег Тучков, Вася Захарьин, он замкнулся в себе.

В восьмилетнем возрасте, после смерти матери он уже пытался воспротивиться самовластию Шуйских. Любые попытки мальчика настоять на своем опекуны подавляли жестоко: в наказание сажали в одиночную закрытую келью, есть давали только хлеб и воду. Да и в обычное время из покоев во двор его не выпускали. Так он и жил в обществе часто меняющихся мамок и дядек.

Ему едва исполнилось девять лет, когда князья братья Шуйские избавились от последних конкурентов – Глинских и Оболенских, и окончательно, как им казалось, утвердились у власти. Мальчика, попытавшегося высказывать свое недовольство, самовластные Шуйские жестоко наказывали. Посторонних к нему Шуйские не допускали. Однако, не прошло и трех лет, как опекуны Иван и Василий Шуйские, один за другим, умерли. К власти пришел их племянник Андрей Шуйский, жестокостью не уступавший своим дядьям.

Из подслушанных разговоров дворни Иван знал, что в народе преждевременную смерть матери приписывают отравлению ее Шуйскими. Мальчик сам домыслил, что и к смерти отца они тоже могли быть причастны. Братьев Шуйских он возненавидел лютой, недетской ненавистью. Однако, выучился эту ненависть скрывать.

Такая жизнь выработала у подростка подозрительный, скрытный, мстительный, эгоистичный и жестокий характер. Однако, вынужденный вести затворнический образ жизни, он пристрастился к чтению. Единственное, чего его не лишали – это церковных книг. Грамоте учил Ивана игумен Даниил. Учил тоже жестко, но выучил хорошо. И арифметике, и латыни, и греческому и русскому.

Став постарше, Иван выпросил через игумена Даниила разрешение брать книги в княжеской библиотеке. Книг в ней было много. Ведь началась библиотека еще в правление деда Ивана – Василия-III. Книги привезла в Москву в качестве приданного византийская царевна Софья Палеолог, супруга деда. Изначально библиотека принадлежала византийским императорам. После падения Константинополя ее перевезли в Рим, а оттуда в 1472 году – в Москву. В Риме Папы, конечно, изрядно пограбили библиотеку, но она осталась достаточно богатой.

Великие Московские князья дед Ивана Василий и отец Иван тоже, как могли, пополняли библиотеку. Так что, чтением Иван был обеспечен. К 14 годам он уже прочитал большую часть книг, имевшихся в библиотеке. Впоследствии, современники считали Ивана-IV одним самых образованных и умных людей государства.

Осознав, наконец, что наследник престола уже вырос, и при этом испытывает к Шуйским стойкую ненависть, Андрей Шуйский решил ослабить наследнику режим и отпустил вожжи, начав потакать подростку. Но, было уже поздно. К 14 годам характер и убеждения Ивана Васильевича сформировались.

***

На официальный прием прибыли Дружков, Подригин и Калибен в сопровождении взвода стрелков и пехотинцев. Прием происходил в той же Грановитой палате. На этот раз она была полна народу. На поставленных вдоль всех четырех стен скамьях важно восседали бояре и

думные дворяне. Несмотря на открытые настежь окна, в палате было жарко и душно. Густо пахло потом. Потели бояре в своих меховых шапках и кафтанах.

На троне в пышном облачении из золотой парчи сидел тощий узколицый подросток в сползающей на глаза украшенной самоцветами Шапке Мономаха. В руках мальчонка держал золоченые Державу и Скипетр. По правую руку от него сидел Шуйский, по левую – Вельяминов. За троном стояла четверка вооруженных алебардами рынд.

Посольский дьяк провел посольство по ковровой дорожке, остановился перед троном и громко нараспев титуловал послов. Дружков толкнул короткую приветственную речь и предложил внести подарки. Шуйский милостиво кивнул.

Гвардейцы начали вносить: сундук с двумя тысячами серебряных эскудо, два сундука с десятью пудами сахара, два комплекта зеркал в инкрустированных серебром рамах красного дерева, четыре столитровых бочонка с наливками, большие напольные часы, двое настенных часов, два полных парадных испанских доспеха с двумя комплектами парадного холодного оружия, позолоченные ружье, обрез и сундучок с огнеприпасами к ним, стеклянные обеденный и чайный сервизы на 50 персон в двух больших сундуках. Внос каждого очередного подарка сопровождался одобрительным гудением на боярских «трибунах». Особенно они загудели при внесении сахара. Цены на этот экзотический продукт, лишь изредка попадавший в Московию из далекой Испании, они знали. Подросток глядел на все это с интересом.

Шуйский в ответ от имени государя поблагодарил послов за подарки и спросил о целях посольства. Дружков передал в руки подскочившему подъячему верительную грамоту, послание Совнаркома и проект договора об установлении дипломатических отношений и торговле в трех экземплярах. Все документы были отпечатаны типографским способом.

На этом официальный прием был закончен. Вельяминов поблагодарил послов и пообещал рассмотреть документы в самое ближайшее время. Ранее, в частном порядке Шуйский и Вельяминов были проинформированы, что посольство должно выехать из Москвы не позднее 20 августа, чтобы эскадра успела покинуть Ладогу до осенних штормов. Бояре остались заседать. Заседали весь день напролет. Шуйский редко собирал полный состав Думы. Бояре обрадовались случаю и усердно демонстрировали свою значимость. Как потом рассказывал Вельяминов, опять долго и с большим интересом обсуждали возможную родовую принадлежность камчатцев. Каждый хотел найти общих с послами предков.

На следующий день с утра прискакавший Вельяминов передал послу приглашение к Великому князю с частным визитом. Не мешкая, послы собрались, прихватили личные подарки князю и выехали.

Узнав о приезде в Москву посольства из далекой заокеанской республики, основанной выходцами из Руси, Иван весьма заинтересовался. Упросил Шуйского до приема посольства вызвать к нему двух боярских детей, сопровождавших посольство из Новгорода Великого, и два дня дотошно их расспрашивал. Услышанное от Олега и Кузьмы еще больше раззадорило его любопытство.

Самоходные корабли, скорострельные аркебузы и пушки – все это было как в сказках про ковер-самолет и самоходную печку, на которой по щучьему велению ездил Емеля-дурак. Особенно заинтересовали рассказы гостей о волшебном городе, найденном ими на далекой земле Камчатке, полном всяческих чудес.

Из всех подарков, переданных посольством, его больше всего заинтриговали ружья и часы. Он выпросил их себе. Настенные часы ему принесли сразу, а насчет оружия Шуйский сказал, что испробовать его даст только в присутствии послов. Часы сразу же повесил на стену, потянул за цепочку, приподняв гирю, как ему показали. Часы затикали. Каждый час подходил к часам и ждал, когда выскочит кукушка и начнет куковать. Считал, сколько раз она прокукует, проверяя, соответствует ли количество «ку-ку» номеру часа. Кукушка ни разу не ошиблась, что его очень удивляло.

Наконец послы появились в трапезной князя, в сопровождении дворянина Андрея Вельяминова. Самый молодой из послов, смуглый, чернявый крепкий парень лет двадцати держал в руках большой короб.

– Посольство Республики Камчатка приветствует Вас, Ваше величество! – подойдя к Ивану и поклонившись, произнес старший из послов. Ему было лет под сорок. Высокий, плечистый, крепкий, слегка полноватый мужчина.

– Я тоже приветствую вас, уважаемые господа послы! – ответил, как положено Иван. – Прощу за стол. Все подошли к обеденному столу и расселись вокруг него.

– Опекун боярин Шуйский все еще не дал мне почитать договор. – продолжил Иван. – Не считите за труд ознакомить меня с содержанием договора.

– Охотно, Ваше Величество! – Подригин передал князю экземпляр договора, другой положил перед Дружковым.

– О! Вижу, договор отпечатан в типографии, а не написан от руки! И язык у вас какой-то странный, некоторых букв не хватает. Но, все вроде-бы понятно. – Прочитав первый лист, заключил Иван.

– Да, за прошедшие полтора века язык и правописание у нас весьма упростились. Книжки и важные документы мы печатаем в типографии. Разрешите Вам преподнести краткую историю нашего государства и краткий свод законов, по которым мы живем. – Калибен достал из коробки две тонких книжицы, передал их послу, а тот уже передал князю. – Прочитайте их на досуге, и вы поймете, как живет наше государство. А сейчас давайте прочитаем договор постатейно, и я вам отвечу на все вопросы, Ваше Величество. – Дружков старался как можно чаще титуловать Ивана, чтобы польстить подростку.

С полчасика занял постатейный разбор договора. Особо остановились на необходимости срочно строить порт в устье Северной Двины. По знаку посла Подригин расстелил на столе контурную карту европейской части России в масштабе 1 см = 20 километров. На карте были обозначены только реки, города и контуры морских берегов. Дружков пояснил, что такой точной карты нигде в Европе нет, карта сделана пришельцами со звезд. Подригин показал на карте Москву и путь от Москвы к Михайло-Архангельскому монастырю в устье Двины, где следовало строить крепость и порт.

Иван с огромным интересом стал водить по карте пальцем. Сам нашел Казань, Астрахань, Великий Новгород, реки Москву, Оку и Волгу. Спросил, почему не показаны границы государств. Дружков ответил, что из космоса, где летали пришельцы, границы не видны.

Отошедший на время дядька наследника Федор Мелехин вернулся с двумя ружьями и сундучком с ружейным прикладом. Бумаги сразу отодвинули в сторону. Иван схватил обрез и стал его рассматривать. Внимательно рассмотрев, спросил:

– И где тут полка для пороховой затравки? И почему нет запального отверстия в казенной части?

– А потому, Ваше Величество, что тут совсем другой принцип стрельбы, – ответил Ивану Подригин. – Вот смотрите! Взяв в руки двустолку, он показал, как отводится ключ запирания стволов и переломил стволы.

– Это называется казнозарядное ружье. Потому что заряд вставляется с казенной части, – он достал из поданного Калибеном патронташа два патрона и показал, как они вставляются в стволы. Иван тут же принялся вставлять и вынимать патроны в обрез. Когда князь наигрался, Степан примкнул стволы и объяснил, как прицеливаться, совмещая цель, мушку и прорезь прицела.

Затем Степан достал из сундучка пустую гильзу, и снарядил патрон, последовательно забив капсюль, засыпав меркой порох, вставив пыж, закатив круглую пулю и запыжевав гильзу, сопровождая каждое действие подробным объяснением. Иван наблюдал за ним, раскрыв от

изумления рот. Дружков предложил князю самому снарядить другой патрон. С подсказками послов, трясущимися руками, Иван сумел все повторить.

Снова переломив стволы, Подригин взвел курки, и показал, как при нажатии на спусковой крючок, из коробки выскакивает боек. Пояснил, что боек бьет по капсулю, который от удара взрывается и воспламеняет порох. При этом особо предупредил, что курки взводят только при виде цели непосредственно перед выстрелом. Иначе можно кого-нибудь случайно убить.

Иван тут же загорелся опробовать ружье и обреза. Посоветовавшись с Вельяминовым, послы сочли это возможным. Взяли оружие, патронташ и пошли во двор. В сопровождении дружинников князя и гвардейцев спустились от великокняжеского дворца вниз с холма к южной стене Кремля. Вельяминов приказал дружинникам найти и притащить четыре обрезных доски длиной в сажень и шириной в пядь.

Доски стоймя прислонили к стене в виде щита. Куском угля Калибен нарисовал в центре щита малый круг диаметром с человеческую голову и большой круг радиусом в два локтя. Затем все отошли от щита на сто шагов. Мастерство в стрельбе продемонстрировал Калибен. Ивану предложили считать вслух. При счете «раз» гвардеец начал. Зарядил оба ствола ружья, прицелился и дважды выстрелил, перезарядил ружье, прицелился и снова выстрелил. Князь успел досчитать до тридцати двух.

Все пошли к щиту. Калибен недаром считал себя хорошим стрелком. Все четыре пули вошли в малый круг. Вельяминов, дружинники и Иван пришли в восторг. Их восхитила точность и особенно скорострельность ружья. Посол предложил достать пулю. По команде Вельяминова один из дружинников вытащил нож – засапожник и взялся вырезать пулю. Она вошла в толстую сосновую доску на длину указательного пальца. Калибен пояснил, что пуля пробивает доспех и кольчугу на дистанции до двухсот шагов.

Иван и Вельяминов тут же захотели попробовать. Каждый выстрелил дважды. В большом круге обнаружили еще два попадания. Еще одна пуля попала в щит за пределами круга.

– Для первого раза неплохо, – утешил стрелков посол.

– Да из аркебузы на таком расстоянии это были бы отличные выстрелы! – заявил Вельяминов. Дружинники утвердительно загнули.

– А из нашего ружья – это очень плохо. Наши стрелки в малый круг на таком расстоянии кладут девять пуль из десяти, – возразил Калибен.

– Есть еще патроны с картечью, – продолжил Подригин. – В каждом патроне 12 свинцовых картечин. Вот смотрите! – Он сам зарядил картечь и выстрелил дуплетом. Все снова пошли к щитам.

Там насчитали 22 новых пробоины, из них 18 – в большом круге. Выковыряли одну картечину. Она ушла в доску на два сантиметра.

– Картечь пробивает кольчугу только на дистанции 50 шагов. Но, на сотне шагов она поражает противника в незащищенное тело: лицо, руки, ноги. При попадании даже одной картечины воин получает серьезное ранение и больше не может биться. Так что, на больших дистанциях мы стреляем пулями, а когда противник приблизится, бьем его картечью. Одним выстрелом картечью можно поразить сразу нескольких человек, – пояснил Калибен.

Князь и дворянин тоже отстрелялись картечью. Затем все подошли к мишени на тридцать шагов и постреляли по ней из обреза. Тоже пулями и картечью. Посмотрели результаты. Калибен пояснил, что обрез – это оружие ближнего боя. Им вооружены командиры в пехоте и моряки на кораблях.

Обратно возвращались под возбужденный гомон дружинников. Демонстрация оружия произвела на них ошеломительное впечатление. Князь и Вельяминов тоже были в восторге. Ничего подобного они никогда не видели, и даже не представляли, что такое возможно. Сове-

менная аркебуза давала один выстрел в несколько минут. Опытный стрелок в лучшем случае попадал в ростовую мишень с сорока шагов.

По возвращении в покои князя ему вручили книжку – руководство по эксплуатации оружия и показали, как чистить его после стрельбы. В трапезной тем временем челядь накрыла столы. Иван пригласил послов к обеду.

Дружков выставил на стол бутыль слабенького пятнадцати градусного ликера. Обед прошел в оживленных разговорах. Дружков рассказывал наследнику о наследии ушедших. После трапезы Иван не стал задерживать послов. Ему не терпелось повозиться с оружием и почитать подаренные книги. Но, настоятельно просил посетить его завтра с утра. Послы пообещали.

На следующий день к наследнику поехали только Подригин и Калибен. У посла была запланирована встреча с Шуйским и посольскими дьяками для обсуждения договора.

Иван встретил их на крыльце дворца. Усидеть в покоях, что бы продемонстрировать свое княжеское достоинство, он, как ни пытался, не смог. Вельяминов отсутствовал. Вместо него находились уже знакомый дьяк из посольского приказа и дядька князя.

На этот раз наследник, продемонстрировал свою зрелость, начав расспрашивать послов о государственном устройстве Республики. Очевидно, он уже прочитал и усвоил обе книги. Особенно изумило Ивана декларированное равенство подданных. Для выросшего в строго сословном обществе московской Руси подростка это было совершенно непривычно.

Степан пояснил, что государственное устройство и законы республики скопированы с государства ушедших. Все люди рождаются равными. Потом, выучившись, начинают работать на благо народа и государства. За боевые заслуги и трудовые достижения подданные могут повысить свою гражданскую категорию. И привел в пример присутствующего Калибена, который еще четыре года назад был просто рядовым подданным. А теперь уже избиратель, лейтенант и командир роты гвардии. В доказательство показал на две серебряных лейтенантских звезды на погонах Калибена и две серебряных звезды избирателя на левой стороне его кителя. А сам Подригин четыре года назад был избирателем и рядовым матросом. А теперь он уже заместитель наркома иностранных дел и легат Республики, о чем свидетельствуют четыре золотых звезды на кителе.

Иван заинтересовался, почему граждане имеют римские звания: консулы, трибуны, легаты и декурионы. Подригин высказал предположение, что пришельцы посещали Римскую республику, и римляне переняли эти звания, как и государственное устройство у пришельцев. Князь объяснением удовлетворился. Настало время обеда. Кушали плотно, но без спиртного. Подростка решили к спиртному не приучать.

После обеда речь зашла о путешествии камчатцев через Северный Ледовитый океан. Степан тут же развернул принесенную с собой карту северной половины Азии от 40-й параллели и показал на ней маршрут экспедиции. Естественно, красочно описал невероятные трудности, с которыми столкнулась экспедиция. Обратил внимание наследника на огромные неосвоенные пространства Сибири. Рассказал, что там есть залежи любых ископаемых: и железа, и меди, и олова, и золота, и серебра и самоцветов. В доказательство развернул и карту Урала с нанесенными месторождениями, такую же, как переданная ранее Шуйскому, но без золота. Затем вместе с наследником до вечера водили по карте пальцами, рассматривая возможные маршруты экспансии русских на Урал и в Сибирь.

На третий день наследнику подарили самодельный глобус диаметром полметра. Глобус изготовили специально для Великого князя. На нем были показаны все земли, известные на то время европейцам. Отсутствовали Австралия, Новая Зеландия, большая часть Океании. Обе Америки были показаны приблизительно. В Африке указаны только контуры береговой линии. Генштаб опасался нежелательной утечки информации в Европу. Однако, вся территория будущего СССР была показана с максимальной подробностью. По глобусу долго путешествовали.

Проследили по нему маршруты Марко Поло, Васко-Да-Гама, Колумба, Веспуччи, Магеллана. Ну и камчатцев, конечно.

Про труды Коперника и кругосветное путешествие Магеллана Иван что-то слышал, но, ничего конкретного не знал. Подригин продемонстрировал наследнику с помощью глобуса и масляного светильника в роли Солнца механизм смены времени суток и смены времен года. Подарил картинку со схемой солнечной системы и рассказал о планетах. Юный князь впитывал новые знания, как губка. Глаза его горели. Но, наиболее поражен был Иван известием, что наблюдаемые ночью звезды – это далекие солнца, вокруг которых тоже вращаются планеты. Ошарашенный новой информацией подросток попросил оставить его одного, чтобы все это обдумать.

Дружков, тем временем, через новоявленный родственников вышел на контакт с будущими членами Избранной рады Адашевым и Курбским. Принял их в посольстве, обласкал и обаял. Причем, принимал он их по отдельности, вместе с несколькими «родственниками», что бы, не засветить значимость этих персон перед Шуйским. Каждому из принятых вручил от себя лично ценные подарки, по экземпляру Истории Республики и краткого Свода законов. Получившие подарки родственники пообещали свести посла с митрополитом Макарием и протопопом Сильвестром.

Иван Васильевич уже подружился со Степаном и Калибеном. Общались они легко. Оба посла были молоды, Степану 24 года, а Калибену – всего девятнадцать. Все дядьки и мамки наследника были значительно старше. Тем более, что новые знакомцы показывали ему такие интересные вещи, а рассказывали еще более захватывающие.

Далее, по плану действий посольства следовало заинтересовать наследника техническими новинками. Ему подарили набор деталей настенных часов типа «сделай сам» с инструкцией. Иван «загорелся», вместе с Калибеном они разобрались с чертежами, собрали часы, повесили на стену. Для наглядности, лицевая панель часов была сделана в виде стеклянной рамки. Подросток с увлечением следил за качающимся анкером, проворачивающимися шестеренками и механизмом движения кукушки.

После обеда послы продемонстрировали князю действующую модель паровой турбины. Струя пара из подогреваемого масляной горелкой маленького медного котла вращала жестяную турбинку. Подригин пояснил, что самоходные корабли двигаются именно таким механизмом. Реальную модель парового двигателя Генштаб решил не показывать, что бы предотвратить возможную утечку информации в Европу. Ивану презентовали рисунки крейсера, корвета и пограничного катера флота Республики. Степан рассказал о технических характеристиках кораблей, сравнивая их с соответствующими по классу современными европейскими кораблями. Превосходство кораблей камчатцев произвело на князя большое впечатление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.